

Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола»)

В январе 2018 г. под эгидой сектора теории познания Института философии РАН и журнала «Вопросы философии» состоялся «круглый стол» «Современные тенденции развития эпистемологии» (к сорокалетию сектора теории познания Института философии РАН). Участники «круглого стола» оценили значение сектора теории познания ИФ РАН за сорок лет в развитии эпистемологических исследований в России и в мире, обсудили статус эпистемологической проблематики в современной философии (в том числе выявили смысл различения классической и неклассической эпистемологии), определили значение эпистемологии для современной когнитивной науки, STS исследований и гуманитарных наук (психологии, истории, филологии). В центре внимания участников оказались проблемы эпистемологии как исторического феномена, а также тенденции дальнейшего движения этой области философии. В ходе обсуждения были актуализированы программы развития эпистемологии, предложенные, в частности, сотрудниками сектора теории познания ИФ РАН: конструктивно-реалистическая эпистемология (В.А. Лекторский), социальная эпистемология (И.Т. Касавин), теория социальных эстафет (М.А. Розов), культурно-историческая эпистемология (Б.И. Пружинин), перевод как эпистемологический феномен (Н.С. Автономова).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сектор теории познания, эпистемология, теория познания, философское сообщество, проблема сознания, конструктивный реализм, теория социальных эстафет, перевод.

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович – академик РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

v.a.lektorski@gmail.com

АВТОНОМОВА Наталия Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

avtonomovanatalia@gmail.com

ДУБРОВСКИЙ Давид Израилевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

ddi29@mail.ru

ЗАГИДУЛЛИН Жан Каримович – кандидат философских наук, внештатный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

autist2000@mail.ru

ИВАНОВ Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

ivdmitry@mail.ru

КАСАВИН Илья Теодорович – член-корреспондент РАН, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, Москва.

itkasavin@gmail.com

КАТУНИН Александр Викторович – младший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

alexandr.katunin@gmail.com

КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна – доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

cap-cap@inbox.ru

ЛЕВИН Георгий Дмитриевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

g.d.levin@mail.ru

ПИРОЖКОВА Софья Владиславовна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

pirozhkovasv@gmail.com

ПОРУС Владимир Натанович – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

vporus@rambler.ru

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», почетный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

prubor@mail.ru

СМИРНОВА Наталья Михайловна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором философских проблем творчества Института философии РАН, Москва.

nsmirnova17@gmail.com

ТРУФАНОВА Елена Олеговна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

eltrufanova@gmail.com

ЧЕРТКОВА Елена Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, Москва.

eleon2005@yandex.ru

ФИЛАТОВ Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва.

toptiptop@list.ru

Материалы поступили в редакцию 20 мая 2018 г.

Цитирование: *Лекторский В.А., Автономова Н.С., Дубровский Д.И., Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Касавин И.Т., Катунин А.В., Кузнецова Н.И., Левин Г.Д., Пирожкова С.В., Порус В.Н., Пружинин Б.И., Смирнова Н.М., Труфанова Е.О., Черткова Е.Л., Филатов В.П.* Современные тенденции развития эпистемологии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 31– 66

Лекторский: Дорогие друзья! Мы собрались, чтобы обсудить перспективы развития эпистемологии (теории познания). И мы связали это обсуждение с датой: 40-летием создания сектора теории познания в структуре Института философии. В рассказе об истории сектора я уже говорил о том, как понимаю перспективы развития эпистемологии [Лекторский 2018]. Мне вообще приходилось немало писать об этом в последнее время. Сейчас скажу об этом очень кратко. По моему убеждению, основанному на осмыслении того, что сегодня происходит в мире, проблематика эпистемологии и философии сознания не только играет главную роль в теоретических исследованиях, но и приобрела исключительное практическое значение. Дело в том, что ныне человечество подошло к такому рубежу развития, который можно сравнивать даже не с неолитической революцией (такое сравнение иногда делается), а с процессом антропогенеза. Ибо речь идёт о судьбе человека, о том, сохранится ли он, или исчезнет, или же превратится в некое нечеловеческое существо: постчеловека (в нелюдь). Идущие сегодня острые социальные и геополитические процессы заслоняют от многих эту проблему. Но от неё невозможно уйти, и ведущиеся сегодня дискуссии о цифровой экономике и цифровой науке, об использовании искусственного интеллекта, о возможности трансформирования человеческой телесности и психики (идея «улучшения человека») означают, что человечество уже вступает (не отдавая себе в этом отчёта в полной мере) в стадию так называемого «электронного общества» и «электронного человека». И тут становится ясно, что даже проблемы социальной и политической философии сегодня невозможно обсуждать без обращения к этому принципиально новому способу человеческого бытия. Новые когнитивные и информационные технологии взрывают привычные жизненные миры. В этой ситуации важнейшая смысложизненная задача – понять, что (в мире и человеке) можно и нужно изменить, что изменить невозможно и что изменять не нужно, даже если это возможно. Проблема взаимоотношения «найденного» и «сделанного», реальности мира вне человека и человеческой виртуальной реальности, природа сознания, свободы воли и связанной с нею автономии человека сегодня превратились из проблем академического интереса в самые жгучие практические вопросы. Древний мудрец просил у Бога дать ему решительность, чтобы изменить то, что можно и нужно изменить, дать терпение, чтобы смириться с тем, что изменить невозможно, и разум, чтобы отличить первое от второго. Все эти качества насущно необходимы нам сегодня. А понимание того, как отличить то, что можно изменить от того, что изменить нельзя, как раз и есть центральная тема эпистемологии. Сегодня, когда человечество вступает в стадию радикальных трансформаций всего и вся, эпистемологические вопросы оказываются в центре внимания. Сказанным я пока ограничусь. Теперь начнём обсуждение. Я буду давать слово в соответствии с тем, когда тот или иной участник нашего «круглого стола» пришёл в сектор: сначала выступают ветераны сектора, потом молодые сотрудники.

Пружинин*: Когда я получил приглашение участвовать в этом «круглом столе», я задумался. О чем вспоминать? Публично делиться воспоминаниями, на мой взгляд, имеет смысл только в том случае, если в них содержится какой-либо опыт, опыт реальной жизни, опыт, который может помочь решать сегодняшние проблемы. Тогда воспоминания становятся историей, которая чему-то учит (хотя бы автора этих воспоминаний). Ниже несколько сюжетов из моего опыта работы в секторе теории познания. Мне они сегодня представляются весьма актуальными. Я буду говорить о социокультурной значимости разработки эпистемологической проблематики.

Среди тем, находящихся в центре внимания современной эпистемологии, заметное место занимает проблематика, так или иначе связанная с исследованием научных коммуникаций. Более того, рискну утверждать, что в той мере, в какой актуальность эпистемологических исследований определяется познавательными практиками современной науки, эта проблема является сегодня одной из центральных в теории познания. Коллективная деятельность, результатом которой является знание, радикально изменилась буквально на наших глазах. Еще к середине XX столетия прагматически ориентированные исследования начали выделяться в самостоятельную область научной работы со своими методологическими требованиями и нормами. Ныне такого рода исследования образуют основной массив науки. И в основание этих норм полагалась не истинность, а прикладная эффективность получаемого знания. Причем одновременно с прагматизацией науки нарастали и процессы, превращающие науку в социальную подсистему общества, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сегодня мы просто наблюдаем эти последствия: управление наукой фактически уже переместилось в сферу производственных потребностей общества, т.е. оказывается вне собственно познавательной деятельности, наука интенсивно коммодифицируется, результаты научных исследований превращаются в товар, что очевидным образом радикально меняет природу традиционной внутринаучной коммуникации, в ходе которой знание выражается, транслируется и принимается как истинное или отвергается как ложное.

Для теории познания эта ситуация оборачивается проблематизацией ее эпистемологического статуса. Если прежде ее целью было выявление норм познания, приводящего к истинному знанию, то теперь сферой ее компетенции оказывается поиск социальных условий принятия исследовательских результатов как знания профессиональным сообществом и социумом в целом. Соответственно, на передний план выходит задача исследования социально окрашенной внутринаучной коммуникации. Наиболее определенно на эту ситуацию в свое время отреагировала Эдинбургская школа. Заданный в ней тренд реализуется и сегодня – знание есть социальный феномен, и задача теории познания состоит в том, чтобы представить его параметры именно в качестве социального образования. Стержневой темой эпистемологии оказывается тогда исследование социальных механизмов, обеспечивающих результатам научной работы статус знания в социуме. И, соответственно, теория познания приобретает черты социологии знания, отказывающейся от претензии на методологическое нормирование поисков истины и ориентированной на управление наукой как социальным институтом (с базой в наукометрии).

Другим направлением эволюции эпистемологии в новой ситуации стал ее крен в сторону аналитических традиций. И здесь в качестве фактической подосновы проблематики – тема коммуникации. Эпистемология, развертывающаяся в этом направлении, фактически уходит от вопроса о природе знания как феномена культуры в сферу детального анализа логико-семантических процедур, с помощью которых строятся абстрактные мо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01204 «Журнал, Конгресс, Энциклопедия: становление форм междисциплинарной коммуникации в философии XX века (исследование по культурно-исторической эпистемологии)». The research is carried out at expense of RFBR, project Journal, Congress, Encyclopedia: the formation of interdisciplinary communication forms in the XXth century philosophy (a study on cultural-historical epistemology).

дели индивидуального сознания. И в том, и в другом случае мы имеем некоторый вариант своеобразного возврата теории познания к статусу позитивистской философии науки, описывающей техники конструирования знания. Но при всей важности этих направлений позитивного развертывания теоретико-познавательной проблематики здесь, вне поля зрения эпистемологии остается экзистенциальный и культурный статус знания, т.е. то, что легло в свое время в основание науки и сохраняло ее в культуре два с половиной тысячелетия — осмысление знания как самоценного блага.

Именно эта идея объединяла в философском самосознании науки, так сказать, когнитивно-технические и коллективно-социальные аспекты познания, объединяла и в самосознании самих ученых и в теоретико-познавательном осмыслении феномена науки. Мне представляется, что и сегодня задача теории познания — обеспечить диалог, контакт этих двух направлений осмысления современной научно-познавательной деятельности и внутри себя и в самосознании практикующих ученых. Мне представляется также, что развертывание этой теоретико-познавательной перспективы связано с акцентуацией проблематики внутринаучной коммуникации. Я полагаю, что об этом свидетельствует тот интерес, который сегодня вызывают работы Галисона о роли коммуникации в междисциплинарном исследовании (см.: [Галисон 2004]). У него появляется аспект культуры. И это хорошо, поскольку этот аспект акцентировало культурно-историческое направление в эпистемологии, опирающееся на отечественную традицию положительной философии, выдвигающей идею общения как самоценности познания. Изначально эту роль рационализировала философия. Этот момент осознания значимости общения внутри теоретико-познавательного исследования обращает нас к опыту сектора теории познания ИФ РАН (см. [Пружинин 2018, 13–19])

На самом деле, эпистемология не располагается в каких-то концептуальных «интермундиях» (по Эпикуру), где-то вне реальных жизненных проблем. Она зачастую имеет куда более острый социально-практический смысл, чем прямые социально ориентированные дискурсы. Она «о главном», она об истине как основании человеческого бытия во всех его проявлениях, включая повседневную жизнь. А если она теряет из виду это измерение, она теряет себя, теряет свой статус философии. Что, между прочим, и происходит, если об истине рассуждают в контексте абстрактного анализа познавательного дискурса, надстраивающегося над современными когнитологическими исследованиями сознания. Подражая положительной науке, такой анализ дробит сознание человека на аспекты, фрагменты, нюансы с помощью лингвистических ухищрений, а затем пытается построить из них, путем изощренного интеллектуального моделирования, реальное человеческое сознание. Получается нечто, к реальным жизненным проблемам отношения не имеющее, хотя и очень интеллектуально тонкое. Теряется философская цельность видения человеческого бытия, а вместе с ней теряется их вид и сознание как особая реальность. Подражание научному анализу порождает лишь философическую пародию на науку, что сегодня, на мой взгляд, ярко проявляется не только в эпистемологии, но и практически во всех разделах современной философии. Дробящая специализация философских исследований ведет к утере их целостного философского смысла.

Отмечу и еще одно обстоятельство. Говорят, что сегодня «большое» целостное мировоззрение потеряло значение для людей. Но, мне кажется, это означает скорее, что современный человек теряет фундаментальные культурные ориентиры, и именно это является главной проблемой современной философии. Дробление секторов Института философии, в результате которого и образовался сектор теории познания, помимо всего прочего, было направлено на дробление философской проблематики, вплоть до растворения смысла самой философии в философообразной технике анализа виртуальных конструкций. Именно так в то время и осуществлялся «идеологический прессинг» в тех областях философии, где по техническим, так сказать, обстоятельствам, прямое вмешательство было тогда уже невозможно. К сожалению, и сегодня именно такого рода утерю философского смысла в результате фрагментирования философской тематики приходится наблюдать чаще, чем хотелось бы.

Сейчас вроде бы нет идеологического прессы, но ситуация все равно требует усилий для сохранения мировоззренческой целостности философии. Сегодня иное поветрие — прагматизация всего, на что обращен взгляд философа. Ныне именно к этому пытаются принуждать философов. Отсюда потеря философского смысла в детальных прагматизированных разработках. В собственно эпистемологии такого рода теряющая из виду целое детализация порождает релятивизм, а вместе с ним отказ от поисков условий истинности знания. Между тем философия именно об этом. И именно об этом рассуждает теория познания, потребность в которой возрастает в мире, где все чаще судьбоносные социально-политические решения принимаются безотносительно к тому, лежит ли в их основании истинное знание об этом мире.

Лекторский: Борис Исаевич поставил очень интересные вопросы и сформулировал ряд идей, по поводу которых можно говорить много. Я скажу только несколько слов. Конечно, проблематика коммуникации как необходимого компонента получения знания, в частности, знания научного, исключительно важна. Но, как справедливо подчеркнул Борис Исаевич, она не вытесняет и не может вытеснить центральных проблем эпистемологии: что есть знание, что является истиной, какова природа реальности, есть ли границы познания и т.д. Эти «вечные» проблемы эпистемологии никуда не исчезли, а выявили новые, иногда неожиданные ракурсы и в чём-то стали сегодня даже более острыми. Именно по этим вопросам идут сегодня ожесточённые дискуссии в эпистемологии и философии науки. В этой связи важно противостоять тенденции (популярной одно время в западной философии, но сегодня уже уходящей) сведения объективности знания к intersубъективности, т.е. к межчеловеческой коммуникации. Это было характерно, в частности, для лингвистической философии, для многих направлений феноменологии. Замечу также, что когнитивные коммуникации — как внутри науки, так и вне её — можно изучать по-разному. Большинство подобных исследований не являются философскими, а имеют социологический, психологический, социально-психологический характер. При определённой трактовке когнитивных коммуникаций сама эпистемология утрачивает философский характер и превращается в раздел социологии. Об опасности этого также говорил Борис Исаевич. Но есть очень важный аспект коммуникации, связанный именно с глубинной философской проблематикой. Это коммуникация не как способ получения и трансляции знания, а как путь понимания другого человека и иной культуры. В этом случае центральными становятся именно классические сюжеты эпистемологии и философии сознания: возможность доступа к «чужому сознанию», возможность или невозможность взаимопонимания и др. С этим связана и проблема перевода как эпистемологическая — чем плодотворно занимается Наталия Сергеевна Автономова. Всем ясно, что сегодня, когда имеет место интенсивное взаимодействие, а иногда и столкновение разных культурных смыслов, эта проблема стала одной из самых практически важных. Наверное, в своём выступлении Наталия Сергеевна Автономова расскажет также и об этом.

Автономова: Получается, что после Владислава Александровича я дольше всех сотрудников сектора в нем работаю. Поначалу мне хотелось быть «философом», а потом я поняла, что в моей позиции, так или иначе совмещающей опыт философии и филологии, способы концептуализации этих двух великих областей европейской культуры, есть свой смысл, который предполагает наведение мостов, вовлечение в дискуссии с обеих сторон, и приносит новое в теорию познания. Мои интересы и наработки участвуют, наряду с другими, в создании общего ресурса сектора теории познания.

Чем лучше будет осведомленность философов о тех процессах, которые происходили и происходят в гуманитаристике, тем сильнее будет позиция философии как рефлексивной опоры всей культуры. Я полагаю, что чем мощнее развиваются сейчас технологические аспекты жизни современного общества, тем ярче и весомее должна выходить на первый план вся социально-гуманитарная сфера, и в том числе гуманитарное знание — и то, каким оно реально является, и то, каким мы его хотели бы видеть. Философия и филология в чём-то различны, в чём-то сходны. В истории культуры были периоды, когда они, кажется, не замечали друг друга, и, напротив,

(как сейчас) периоды, когда их взаимодействия осмысливаются как значимые, причем не только для них. И эти контакты нужно развивать.

В мире существует много разновидностей эпистемологической проблематики в зависимости от предметов, подходов и средств анализа: это эпистемология историческая, социальная, натуралистическая, генетическая, эволюционная, сравнительная и др. В наши дни иногда высказывается мнение, что эпистемология либо не нужна, либо не является собственно философским занятием. Мне важна именно «философская эпистемология», нацеленная на предмет, на вещи, на мир. И поскольку в мире существует гуманитарная наука, то и в эпистемологии постоянно присутствует гуманитарный вектор. Познавательная ориентация объединяет филолога, который хочет строить науку (не всякий филолог к этому стремится), и философа, интересующегося тем, как осуществляется это стремление в разных областях действительности. На мой взгляд, благодаря наведению эпистемологических «мостов» между этими дисциплинами, философы и филологи в последнее время стали больше общаться, разговаривать, обмениваться идеями, приобрели большее взаимное уважение.

Особое значение для эпистемологии имеет разработка философско-методологической проблематики филологических дисциплин. Само наличие этих дисциплин и объединяющей их идеи филологии является ценной чертой русской культуры; ни в Англии, ни во Франции «филологии» как таковой не существует и многие категориальные рубрикации в поле наук о языке и словесности так или иначе относятся к «искусствам». Само наличие «филологии» в широком понимании иногда кажется архаической чертой, и это слово убирают из современных рубрикаторов, но, по-видимому, этот ценный элемент культуры требуется сохранять, а не растворять.

Я хотела бы также сформулировать те актуальные моменты гуманитарного вектора, которые проявили себя особенно остро в начале XXI в., именно они являются вызовами для современной эпистемологии. Это проблема философского языка: сколько их, каковы они, каковы их жанры и формы, литературные и концептуальные аспекты. Это необходимость осознанного развития философского языка (мы почувствовали это особенно остро в постсоветский период, когда широкому читателю впервые открылись труды западной философии второй половины XX в., жившей под спудом в советский период, и труды русских философов, культурный язык и проблематика которых были вне интеллектуального обихода). При этом процессы перевода имеют не просто обычную технико-лингвистическую функцию, но играют роль в создании новых концептуальных средств, которые еще только подлежат апробированию. Особое место приобретает проблематика эпистемологической истории познания, которая получила в свое распоряжение 100-летние перспективы анализа некоторых фундаментальных для XX века и далее парадигм — это прежде всего формализм и структурализм (100-летняя годовщина публикации классического труда Соссюра, 100-летие возникновения русского формализма и др.). Свою роль сохраняет новый взгляд на идею структуры не как исторического факта, но как актуального фактора в современных программах поиска объективности в гуманитарных науках.

В отношении к будущему важнейший для меня вопрос о готовности к переменам — он важнее даже конкретных или виртуальных сценариев, потому что затрагивает саму возможность встречи с будущим. В докладе о роли античной культуры для педагогики будущего академик Гаспаров утверждал, что главной бедой античной культуры является ее замкнутость на себя, ее эгоцентричность. Свидетельства тому — полное отсутствие словарей (не было никаких: ни греко-египетских, ни греко-персидских ни даже греко-латинских), а персонально — даже великий Плутарх «...честно признавался, что латинский язык он знает посредственно», хотя долго жил под римской властью. Такая культура была обречена на гибель [Автономова 2015, 672–673]. Демократии и все другие социальные и гуманитарные явления современности с неизбежностью упираются в проблему взаимопонимания и взаимодействия. А для этого первое и фундаментальное эпистемологическое условие — постижение языков (в том числе «культурных языков») друг друга, невозможное без практик пе-

ревода — языкового, культурного, концептуального. Даже если они сталкиваются с непереваемостью и в любом случае упираются в проблему, которую можно назвать принципиальной «неполнотой перевода», это порождает потребность в заострении рефлексивной позиции исследователя и переводчика в культуре, делает вопрос о переводе кардинальным в общем спектре категориальных опор современной философии, и прежде всего теории познания. Главное не дать себе погибнуть, как некогда погибла «эгоцентрическая» античная культура. Развитие такой человеческой, гуманитарной и гуманистической оснащённости и повышение шансов на выживание в культуре и среди людей — это самое актуальное задание, которое стоит перед современным философским и гуманитарным познанием.

Касавин: Здесь уже затронули многие темы, о которых мне тоже хотелось высказаться, поэтому я вынужден сократить свои воспоминания за двадцать лет работы в секторе. Роль сектора теории познания в формировании того, что можно назвать российской философской традицией, чрезвычайно велика. И выражалось это, по крайней мере, в двух вещах: в этом секторе работали выдающиеся философы, и сектор был координатором философских исследований. Вокруг сектора группировались многие замечательные личности, которые понимали, что вот это то самое место, куда надо приходить. Здесь находятся те самые люди, с которыми надо общаться, делать совместные проекты, как мы сегодня говорим. Само существование сектора диалектического материализма, а потом и теории познания показывало всем, что именно здесь формируется теоретическое ядро философии. И это нравилось тем, кому хотелось философию развивать, а кто-то этому активно противился потому, что теоретическое ядро философии — это претензия на позитивное мышление. Значит, мы лучше знаем, чем все остальные, как надо философию двигать вперед, каковы приоритеты, источники и методы. А в условиях догматического марксизма этого делать нельзя потому, что все известно заранее. Ничего, по сути, развивать невозможно. Можно только комментировать. Вот с этим сотрудники сектора и вся традиция, которая сектором закладывалась, находились, конечно, в решительном противостоянии. Сектор провозглашал идею творческой философии. Удивительно, что это творческое начало в деятельности сектора совпадало с толерантным отношением друг к другу. Я с этим столкнулся тогда, когда мы стали разрабатывать новую тематику. Эта идея толерантности в то время была очень важна, я считаю. Сегодня это, может, общепринято просто потому, что люди утратили интерес друг к другу. А раньше все довольно внимательно смотрели на то, кто что пишет. И каждый новый выпуск, например, «Вопросов философии» читался от корки до корки практически всеми, кто философией занимается. И если ты опубликовал статью в «Вопросах философии», то была высокая степень вероятности, что люди прочитали твою статью и о тебе узнали. Этот интерес имел две стороны, позитивную и критическую — ну, что ты там, собственно, пытаешься сказать такого, может, это выходит за пределы дозволенного? Еще одно качество секторской работы и традиции, которая там формировалась, может быть описано словом, которое тогда никто не употреблял и не знал. Это слово «междисциплинарность». Удивительно, но уже тогда в сферу эпистемологического исследования активно вовлекались и психология, и лингвистика, и социальная антропология, и история науки. И действительно, это было очень плодотворное взаимодействие дисциплин. И конечно, сектор вел большую работу в области международной философии. Для нас было очевидно, что то, что мы делаем, должно находиться на достаточно высоком уровне. Это должно быть понятно, это должно быть приемлемо не только для нашего узкого круга, но и для специалистов за пределами российской философии. Я не уверен, что есть какие-то другие подразделения Института или кафедры университетов, которые дали старт такому количеству новых направлений исследований и видов научной работы. Это доказывает, что традиция, которая формировалась в секторе, уникальная традиция отечественной философии оказалась очень плодотворной.

Что касается меня лично, то я пришел в сектор теории познания в 1983 г., сразу после выхода книги «Гносеология в системе философского мировоззрения». Именно поэтому я не стал ее автором, но я встретил ее уже как готовый манифест сектора. И мне пришлось в дальнейшем самоопределяться по отношению к этому и другим секторским манифестам, учиться, спорить, находить точки соприкосновения. Первые четыре года я шел в русле моего научного задела – кандидатской диссертации о Поле Фейерабенде, частично вошедшей в первую книгу [Касавин 1987]. Это была богатая тема, давшая массу развилков, точек роста. Фейерабенд отметился многими провокационными сентенциями, например, требовал, чтобы философы науки доказали, чем наука лучше магии. Но ведь для этого нужно знать не только то, что такое наука, но желательнее разобратся, что представляет собой и магия как форма познания мира. Отсюда ход к исследованию вненаучных форм знания, что и привлекло мое внимание. Эта тематика только начинала в то время обсуждаться и считалась на фоне мейнстрима марксистской гносеологии чуть ли не запретной, а потому и привлекательной. Теорию отражения обсуждать не хотелось. В результате возникла целая программа исследований в этой области, многие сотрудники Института к ней подключились, были опубликованы такие книги, как «Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания» [Касавин (ред.) 1990], которые разошлись сотысячными тиражами и до сих пор вполне читабельны. В 1994 г. в рамках этой программы мы вместе с Куртом Хюбнером, Германом Люббе, Хансом Ленком, Хансом Позером получили «мегагрант» Фонда Фольксваген, а в 2005 – грант Фонда Темплтона, каждый на пять лет. Мы подняли эту волну, инициировали микрореволюцию, разработали, если хотите, новую парадигму, но постепенно она вошла в университетские программы и стала частью «нормальной науки». Параллельно мы пытались обобщать опыт этих исследований и вышли в сферу социальной эпистемологии, которая тогда зарождалась в работах Д. Блура, Э. Голдмана и С. Фуллера. Мне повезло, что со всеми из них я познакомился лично, постепенно возникли совместные проекты, и от сектора теории познания мирно отпочковался сектор социальной эпистемологии – первый случай институционализации этого направления в мире. Шла активная творческая работа большого коллектива, но вставал вопрос поиска темы. Ситуация заметно менялась, включая место науки в обществе, и кому как не социальному эпистемологу нужно на это реагировать. Стало ясно, что нужно найти новую тематическую область и одновременно видоизменить дисциплинарную структуру. В частности, возникла потребность законсервировать исследования вненаучного знания и вернуться на новом уровне к исследованию науки и техники. Почему? Потому что это могло дать ответ на вопрос о том, что такое современность, а без ответа на него нельзя реализовывать проективную функцию философии, думать о будущем. Одновременно нужно было выйти за пределы навязчивых оппозиций классической и неклассической эпистемологии, спора между аналитической и критической социальной эпистемологией. И сегодня мы делаем оба эти шага, фактически отвечая на вопрос, поставленный в весьма полемической статье З.А. Сокулер в «Вопросах философии»: «А есть ли кризис в эпистемологии?» [Сокулер 2017]. И к сожалению для некоторых, должен ответить на этот вопрос отрицательно, правда, с одной оговоркой – по поводу самооправдывающегося прогноза – если воин бросил меч, то он проиграл битву.

Современная эпистемология призвана выйти из модуса «кабинетной философии», взглянуть на окружающий мир и протянуть руку другим философскими дисциплинам и наукам о познании. Тогда станет ясно, что в современном обществе есть два пласта. Первый – самый крупный – унаследован от прошлого и постепенно эволюционирует, сохраняя родовые черты. Это практически вся сфера политики, экономики, идеологии, религии, искусства, морали, многочисленные социальные практики. Второй пласт – это сфера современной науки и техники. Здесь изменения происходят с невероятной быстротой и провоцируют соответствующие сдвиги в других областях общественной жизни. Наука и техника сегодня пронизывают и во многом определяют все бытие человека. В мире греческой античности сердцевиной была политика, в

европейском средневековье — религия, сегодня на их место вышла наука — такова реалья культурной динамики. Отсюда следует, что исследование науки и техники и есть искомая главная предметная область не только для философии, но и для всех социальных и гуманитарных наук. Она дает нам ключ к тому, что есть современность как таковая. Science & technology studies (STS) — направление исследований в англоязычных странах — представляет собой интегральную междисциплинарную гуманитарную платформу. Эпистемологии и философии науки (отныне эта связка имеет принципиальный характер) следует играть в данном конгломерате ведущую роль. Поэтому мы выдвинули идею социальной философии науки как новой тематической области и российского варианта STS, представив ее в ряде книг [Касавин 2016; Касавин (ред.) 2016]. Я полагаю, что именно здесь открываются наиболее интересные перспективы современной эпистемологии — не в автономном плавании, а вместе со всеми; не в форме сумеречного полета над остывающим полем сражения, но в качестве модератора и флагмана живых гуманитарных дискуссий.

Филатов*: Я поступил в аспирантуру сектора в 1975 г., когда он еще назывался сектором диалектического материализма. Волею судьбы я уже давно не работаю в Институте философии, о чем периодически жалею, поскольку долго работал в секторе и в «Вопросах философии», и эти годы были для меня самыми насыщенными и в творческом отношении, и в плане общения с моими учителями, коллегами и друзьями. Если Наталия Автономова пришла в философию из филологии, то я с противоположного полюса — из физики. Правда, я еще со школы интересовался философией, кое-что читал, а когда учился на физфаке, ходил на философский факультет — на лекции Мамардашвили и еще на некоторые неплохие спецкурсы. На последнем курсе, когда я писал диплом по истории физики, я познакомился с Г.С. Батищевым, который вел на физфаке небольшой кружок. Благодаря этой встрече я и оказался в Институте философии, хотя не сразу, поскольку чуть ли не половину нашего выпуска призвали служить офицерами в ПВО. Отчасти мне повезло, я служил под Дмитровом, а по этому направлению жил тогда Генрих Степанович в поселке Северный. Я к нему не раз заезжал, он потчевал меня сырыми овощами, давал литературу и проверял, как я осваиваю в армии Гегеля. После службы я как-то легко поступил в аспирантуру и первый год под руководством Батищева читал Маркса, Лукача и труднодоступную тогда литературу по овеществлению и отчуждению. Идея была в том, чтобы это как-то связать с генезисом и предпосылками новоевропейской науки. В те годы кое-что интересное в этом плане было в работах Л.М. Косарева, А.С. Арсеньева, А.П. Огурцова, но все же эти связи у меня не складывались, видимо, из-за моего интуитивного понимания характера естественных наук и того, что я знал об их истории. Смена перспективы у меня произошла под воздействием дискуссий, которые постоянно шли тогда в секторе между диалектиками во главе с Ильенковым и ориентированными на современную эпистемологию и философию науки Лекторским, Швыревым, Никитиным. Нужно сказать, что все эти люди были в расцвете творческих сил, споры были полными юмора и блестящих идей. В секторе тогда было много аспирантов, и на нас эта атмосфера производила сильное впечатление. Несмотря на напряженность и принципиальность этих споров, межчеловеческие отношения были очень доброжелательными, и сектор всегда был единым против внешних нападков, а их было немало.

В этом контексте и сформировалась, на мой взгляд, программа широкого понимания эпистемологии, не сводящейся лишь к теории научного познания. Такие темы, как рациональность и ее исторические типы, отношения естественных наук и гуманитарного знания, науки и вненаучных форм знания, познания и ценностей в те годы были введены в нашу философию сотрудниками сектора. Я хотел бы отметить

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-011-00954 «Эпистемологические проблемы в современной философии сознания». The research is carried out at expense of RFBR, project Epistemological problems in the modern philosophy of consciousness.

еще один момент, о котором пока не говорилось. В секторе всегда шла серьезная проработка истории рациональной философии. Эмпирическим фактом является то, что наши историки философии, за редкими исключениями, обходили и сейчас еще обходят стороной историю учений о познании. Они предпочитали писать о Ницше и Хайдеггере, а не о Карнапе или Куайне. В этом плане философы сектора во многом восполняли такую однобокость. И без этого была бы невозможна глубокая разработка проблемы соотношения классической и неклассической эпистемологии в работах Владислава Александровича и других сотрудников сектора. Это же относится и к обоснованию программы конструктивного реализма.

И еще немного о философии сознания, которая активно развивается в секторе в последние годы. Эта линия тоже идет издавека, тут можно вспомнить работы Эвальда Васильевича по проблематике идеального, Владислава Александровича о субъекте и объекте, об их тесных связях с крупными психологами. В наши дни философия сознания выходит на передний план и в союзе с когнитивными науками претендует на «переоткрытие сознания», на новое разъяснение его природы. Некоторые считают даже, что это может лишить эпистемологию самостоятельности и сделать ее лишь частью более широкого учения о сознании. Мне эти претензии представляются несостоятельными, но нельзя отрицать, что в философии сознания и когнитивной науке есть результаты, которые могут существенно продвинуть важные проблемы эпистемологии. Это, например, проблемы самосознания и знания о «другом сознании», природы феноменального опыта, выбора между прямым и опосредованным реализмом в эпистемологическом анализе восприятия и др. Очень хорошо, что в секторе сложилась целая группа, которая занимается философией сознания. Наряду с живыми классиками в этой области, Владиславом Александровичем и Давидом Израилевичем, это Е. Труфанова, Д. Иванов, Ж. Загидуллин, у которых есть очень интересные работы по эпистемологическим проблемам философии сознания и психологии. На философском факультете РГГУ, где я сейчас работаю, я стремлюсь поддерживать и передавать студентам тот глубокий импульс, который получил, работая в секторе. Кстати говоря, у нас на факультете есть сотрудники, которые прошли через Институт философии, в том числе и через сектор теории познания. Это, например, Алексей Круглов, который был аспирантом сектора, а теперь стал профессором и ведущим кантоведом в нашей стране.

Кузнецова: Хочу заметить, что В.П. Филатов у нас на факультете читает курс теории познания, причем весьма продвинутый и интересный.

Филатов: Действительно, я уже больше двадцати лет читаю такой курс, он у меня любимый. И я всегда говорю студентам, откуда я вышел и что дал сектор для эпистемологии. Конечно, как это все вы знаете, непросто заинтересовать молодых людей теоретической философией. Но все же иногда это случается. Вот в Институте философии некоторые молодые сотрудники занимаются проблематикой познания, вполне вероятно, что на их выбор повлияло и то, что мы с Наталией Ивановной продвигаем эту проблематику у нас на факультете.

Черткова: Я пришла в сектор в 1989 г., незадолго перед тем, как его покинул Б.И. Пружинин, перейдя в журнал «Вопросы философии». Но прежде я была принята на работу в Институт философии благодаря рекомендации моего научного руководителя по диссертации В.И. Купцова и моего оппонента, а ранее научного руководителя дипломной работы В.С. Швырева, за что я им безмерно благодарна. Уже тогда я оценила уникальность Института философии, особый климат взаимоотношений людей и царящий здесь творческий дух. А когда мне посчастливилось перейти в сектор теории познания, я это ощутила еще сильнее.

Все выступающие отмечали особую атмосферу в секторе. Но атмосфера во многом формируется проблемами, над которыми работают люди. Я согласна с замечанием И.Т. Касавина, что мы все-таки занимались теоретической философией в идеологическую эпоху, когда это было и не принято, и мало кому интересно. Может быть, именно потому все события последних десятилетий — перестройка и последующие

революционные изменения в обществе — не отменили важности нашей проблематики, и не пришлось «сжечь то, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигал». Мы продолжаем исследовать проблемы знания, истины, сознания, объективности, субъективности, рациональности, понимания. Конечно, «вечными» остаются только вопросы, но каждое время дает на них свои ответы.

В отсутствие диктата идеологии усиливается другая напасть — изменчивая и быстротечная мода на новаторские философские «теории». Догматизм идеологии сменился релятивизмом как следствием потери ценностных ориентиров. Но и в этом бурном потоке сектор старается идти своим курсом, развивая теоретическое ядро философии, стараясь не утратить своеобразия философского подхода к актуальным проблемам современности, сохраняя достоинство философии.

Чем же определяется такая «резистентность»? В чем я вижу специфику сектора? Мне представляется, что это, во-первых, тематика сектора и, во-вторых, способы работы над этой тематикой, или характер научной коммуникации. Отчасти я уже сказала об особенностях тематики — теоретические проблемы философии, прежде всего теории познания. При этом сама теория познания понимается не в узко гносеологическом смысле типа «от живого созерцания к абстрактному мышлению». Познание рассматривается как центр взаимодействия человека с миром. С одной стороны, наше познание и знание детерминировано этим миром, но, в свою очередь, оно все больше определяет мир человека, порождает его. Отсюда и широкий спектр проблематики сектора, простирающейся от онтологии сознания до конструирования реальности. Теория познания понимается как квинтэссенция философии, как философская рефлексия, отличающая себя от других способов осмысления и исследования познания. И, конечно же, надо отметить актуальность тематики, которая при этом определяется не сиюминутностью и злободневностью, а важностью для переосмысления философских проблем познания. Видеть новые повороты в старых философских проблемах, с одной стороны, и улавливать философский смысл и значение в новых проблемах познания, порождаемых научными, в частности, когнитивными исследованиями, с другой. Это двуединство: актуальность и философичность, на мой взгляд, определяют направленность наших исследований.

Несколько слов о втором моменте — научной коммуникации. К уже сказанному об атмосфере доброжелательности, толерантности, демократизма я добавлю, что важнейшим фактором теоретического роста, особенно молодых сотрудников, были наши обсуждения, которые всегда выливались в подробный, заинтересованный разговор о научных проблемах, как и о вопросах текущей жизни. Это по существу был постоянно действующий теоретический семинар. Обсуждались все статьи в коллективные труды, темы будущих диссертаций и уже готовые тексты диссертационных исследований. Так формировалась научная школа. К сожалению, теперь всё труднее поддерживать эту традицию. Новые методы управления наукой с упором на количественные показатели публикационной активности наиболее губительны именно для теоретических исследований, не терпящих суеты и поспешности. Создание коллективных монографий, позволяющих всесторонне исследовать одну большую проблему, становится помехой росту «научных показателей». А именно в такой работе и формируются научные коллективы и школы. Остается только надеяться, что и это пройдет, но не было бы поздно...

За последнее время в эпистемологии возникли новые направления и концепции. От нашего сектора сначала отпочковался сектор «эволюционной эпистемологии», руководил которым до конца своей недолгой жизни И.П. Меркулов, а затем сектор «социальной эпистемологии», успешно работающий под руководством И.Т. Касавина. Отдельного разговора заслуживает развиваемая Б.И. Пружининым «культурно-историческая эпистемология», но о ней я уже подробно высказывалась на страницах данного журнала. Пролиферация направлений и концепций, определяющих себя как «эпистемологические», свидетельствует об актуальности данной проблематики, но ставит перед философской теорией познания задачу самоопределения, чтобы за многообразием

исследований и подходов не утратить специфически философскую проблематику, не впасть в «новый позитивизм», когда сугубо философские проблемы заменяются на специально-научные — социологические, экономические, психологические и т.д. Главное — сохранить акцент на специфику науки прежде всего как знания, и уже на этой основе возможна её трактовка как социального института, познавательной деятельности, культурной ценности, как текста, коммуникации, адаптации и т.д.

Если говорить о месте эпистемологической проблематики в современной философии, то в моем представлении она составляет фундамент теоретической философии, а через нее и культуры в целом. С сожалением приходится констатировать, что теоретическая философия отходит на периферию философских исследований, а на передний план выходят многочисленные исследования практической философии. Но такие теоретические задачи философской эпистемологии, как обоснование и защита истины и рациональности, имеют и практическое значение. Это особенно важно в современной ситуации, когда общество, теряющее интерес к фундаментальным знаниям, охотно и часто бездумно, безответственно пользуется плодами науки. Разрыв двух главных социальных компонентов науки — культуры и цивилизации — приведет не только к гибели культуры, но и к разрушению цивилизации. Истина как ценность некогда была воспринята наукой из античной культуры, но теперь она уже не вписывается в создаваемую культурную матрицу, и задача людей науки и эпистемологов прежде всего сохранить её для культуры в качестве фундаментальной ценности.

И в заключение о том, чем сектор занимается сейчас. В последние годы значительное внимание уделяется исследованиям, отвечающим новым вызовам современной науки. Это прежде всего взаимоотношение эпистемологии и специальных когнитивных исследований, что по-новому ставит проблему субъекта и субъективности; проблемы эпистемологии современного социального и гуманитарного знания в связи с проблемой истины; проблемы эпистемологического конструктивизма и социального конструкционизма в науках о человеке. Все проблемы рассматриваются в философском ключе, проецируются на «вечные» проблемы и ценности философии. Об этом свидетельствуют и две последние книги сектора: одна о релятивизме, вторая о реализме.

Очевидно, что неклассическая наука выдвигает такие проблемы, которых не знала классическая эпистемология, и это послужило стимулом разработки новых направлений исследования, сформировавших то, что теперь мы называем неклассической эпистемологией. В сектор пришло молодое пополнение, и у теории познания наверняка есть будущее.

Порус: Если уж пуститься в воспоминания, никакого времени не хватит. Я представлю только несколько отрывков из своей секторской жизни... Место старшего научного сотрудника в секторе теории познания мне дали в виде «отступного». После того как я окончил аспирантуру в секторе логики, благодаря вмешательству в мою судьбу Бонифатия Михайловича Кедрова, который не побоялся меня взять на работу, видимо, зная, что его самого через несколько месяцев уволят, я долго работал в секторе Д.П. Горского, в секторе диалектической логики. Сидел очень тихо в должности младшего научного сотрудника. Время было такое, надо было «не высовываться». Но постепенно я достиг возраста, когда люди с тревогой смотрят в сторону кладбища, а все еще был младшим научным сотрудником. И это мне надоело. Не особой корысти для, а токмо ради собственного достоинства я стал искать повышения. И мне его дали в секторе научной информации. Был тогда такой странный сектор с невнятными функциями. Я там был замом моего университетского однокашника П.С. Казина, а когда тот уехал в длительную заграничную командировку, стал и.о. заведующего. Под моим мудрым руководством работали такие люди, как В.В. Бибихин и М.К. Рыклин, довольно забавная была ситуация. Потом директором Института стал Г.Л. Смирнов, ему я бывал иногда нужен как переводчик с польского (в Польше критиковали его эпохальный труд «Советский человек», ему было это интересно). Других особых достоинств за мною он не числил. Спустя некоторое время, видимо, ему кто-то наверху порекомендовал взять на должность зав. сектором другого, скорее

всего, более надежного во всяких разных отношениях человека. Нужно было освободить это место, и Георгий Лукич стал мне объяснять, почему я плохой заведующий сектором, хотя придаться было не к чему, и сказать ему было тоже нечего. Но я понял, что меня не хотят, и помог ему, обозначив свою деятельность предикатом, который, так сказать, в печати не употребляется. Он понял, что с моей стороны никаких скандалов не предвидится, и сказал: «А чего вы хотите?» Я говорю: «Перейти в сектор теории познания». После этого на ученом совете, где обсуждался вопрос о новом заведующем, в ответ на чей-то вопрос «А почему не Поруса?», он сказал: «А вы знаете, как он сам оценивает свою деятельность? Я при дамах этого повторить не могу». Так я дал ему в руки мощный аргумент, и все прошло тихо и гладко. Но это обо мне. А теперь о секторе.

С сектором у меня и до этого были связи хорошие, дружеские. Владислав Александрович не возражал против моего перехода, спасибо ему. Когда я перешел, в чем сразу же убедился? В том, в чем был уверен и раньше. Это был, безусловно, элитный сектор. Не только в научном отношении, но и в организации работы, в особой атмосфере. Отношения между людьми в этом секторе были серьезными. Не все и не всегда ко мне относились с симпатией. Например, Сергей Мареев видел во мне засланного казачка из лагеря проклятых позитивистов и антидиалектиков. Борис Ласточкин делал физиономию Будды, когда мне приходилось выступать. Часто были споры и довольно напряженные. Много чего было, но уж точно не было подлости. Не было подсиживания, не было мерзких методов ведения полемики. Все, что там происходило, было на высоком профессиональном уровне. Но об этом уже много сказано, я не буду повторяться.

На мой взгляд, философская империя распалась на «улысы», между которыми ясной связи нет. И теперь часто бывает так, что проблемы теории познания вообще не интересны обитателям разных «улысов». Проявляется это по-разному. Мы видим, как специалисты по социальной или, скажем, политической философии делают невероятные ляпы, когда выходят на теоретико-познавательную тематику. И наоборот, конечно. Но никого это особенно не интересует. В нашей школе с каждым годом растет число аспирантов. Что характерно? Среди них нет почти никого, кто хотел бы заниматься гносеологической или онтологической проблематикой. И не только у нас. По всей нашей необъятной. Интерес к теоретическим проблемам философии среди нынешних молодых исследователей падает с каждым годом.

Я бы так сказал: в распавшейся философской империи некоторые «улысы» чувствуют себя более уверенно. Они более быстро и более интересно реагируют на изменения, происходящие в современном мире. А «улыс» теоретико-познавательный сейчас переживает нелегкие времена. В мировой философской литературе в большинстве журналов по эпистемологии (в основном англоязычных) безраздельно господствует аналитическая традиция; у представителей иных традиций шансов попасть в такие журналы немного. Успешно заниматься профессионально теоретико-познавательными проблемами в современном мире можно только при хорошей естественнонаучной и математической подготовке, нужны также и основательные знания по психологии, социологии знания, по многим социально-гуманитарным наукам. Такой подготовки нет, а того, что есть, явно недостаточно, чтобы эпистемологи были равноправными партнерами специалистов по различным специальным областям знания. Положение это тревожное и, действительно, те, кто говорит, что будущее эпистемологии под вопросом, имеют для этого некоторые важные основания.

Что делать? Продолжать работать. Положение может измениться, хотя когда это произойдет, я не могу сказать. Но когда маятник качнется в другую сторону, надо быть к этому готовым: бывшее единство и бывшая культурная значимость философии, скорее всего, утрачены не навсегда.

Лекторский: На эту тему можно много говорить. Очень интересно обсудить, что происходит с эпистемологией не только у нас, но и в мире вообще. Скажу только, что сегодня проблемы эпистемологии и философии сознания разрабатываются не только в рам-

ках аналитической философии. С моей точки зрения, наиболее интересные исследования в этой области связаны как раз с выходом за пределы аналитической философии в её классическом понимании и с философским анализом проблем когнитивных наук. В этой связи я хочу обратить внимание на то, что разрабатывавшееся у нас понимание познания и сознания в контексте деятельностного и культурно-исторического подхода как раз оказывается сегодня очень и очень востребованным.

Смирнова: Мне не довелось быть штатным сотрудником сектора теории познания, однако мои профессиональные и человеческие симпатии к его замечательному коллективу сложились еще в бытность мою студенткой философского факультета МГУ. Помню, что я как председатель научного студенческого общества организовала встречу наших студентов с редколлегией журнала «Вопросы философии». Там состоялось мое первое знакомство с сотрудниками сектора, сошедшими, как мне казалось, с вершин современной философии. Впоследствии, когда мне посчастливилось принимать участие в коллективных трудах сектора, я осознала, сколь заметную роль сыграл он в моем профессиональном становлении.

Сорокалетие сектора — хороший повод поговорить о его вкладе не только в отечественную, но и в мировую эпистемологию. Культурный вклад сектора в преодоление постмодернистского «разброда и шатаний», размывания традиционных форм академического философствования состоял в том, что он твердо и аргументированно противостоял соблазну новомодных «измов» (постмодернизма), последовательно отстаивая позиции эпистемологического реализма. В целом ряде работ, в которых мне довелось участвовать, сотрудники сектора аргументированно оппонировали крайним версиям эпистемологического натурализма, устремленного к неинтенциональной эпистемологии, элиминирующей метафизику и иные предметы высшего философского достоинства, и обосновывали ключевую роль философии в методологическом сопровождении когнитивных наук, претендовавших на теоретико-познавательную самодостаточность. Вот конкретный пример. Когнитивные науки опираются (зачастую неявно) на идею ментальных репрезентаций как современный аналог априорных когнитивных структур — на манер внутреннего языка мысли (Дж. Фодор). В.А. Лекторский показывает, что идея ментальных репрезентаций философски глубоко предпосылочна и имеет целый ряд особенностей философского характера, поскольку лежит в основании научной картины мира [Лекторский 2012, 6–8]. Широкий отклик в деятельности сектора обрели и иные когнитивные вызовы. Исследование социального конструкционизма убедительно демонстрирует когнитивную ограниченность рассуждений о том, что объектом исследования в социальных науках выступает не сама реальность, но продукт онтологизации предметных схем метода и коммуникативных процедур, осуществляемых в ходе исследования. Е.О. Труфанова показывает, что социальный конструкционизм осуществляет подстановку онтологических коррелятов присущих ему «схем метода» на место собственного объекта — социальной реальности [Труфанова 2012], в результате чего реальность предстает как инобытие исследовательских процедур и теоретически сконструированной социальности.

В трудах сектора активно используется эвристический потенциал деятельностного подхода, который и сегодня не исчерпал своих объяснительных возможностей, хотя его нередко (и неправомечно) отождествляют с догматизированным марксизмом. Важность когнитивного разведения деятельностного подхода как обладающего большей степенью общности в сравнении с марксистской теорией социального действия явилась предпосылкой использования его эвристического потенциала в построении объяснительных моделей современной психологии, а также и продуктивного когнитивного синтеза с телесно-ориентированными подходами. Результатом подобного синтеза является теоретическое осознание того, что процесс познания — не только извлечение организмом из среды витально релевантной информации, но их знаковое взаимодействие, конструирующее экологическую и/или социокультурную «нишу» познающего существа, соразмерную когнитивным паттернам его витальной активности и/или социального действия. «Познающее существо, — отмечает В.А. Лектор-

ский, — “вырезает” из реальности именно то, что соотносимо с его деятельностью» [Лекторский 2009, 33–34], т.е. соразмерно его разуму и телесности.

Деятельностная природа теории социальных эстафет М.А. Розова укоренена в презумпции того, что в рамках постнеклассической рациональности теоретически осознана невозможность доступа к «миру самому по себе», вне культурно-детерминированных средств социальной деятельности, языка и универсалий культуры. «Суть в том, — поясняет М.А. Розов, — что естествоиспытатель, как правило, “видит” природу, но “не замечает” тех социальных программ, в которых он работает и следы которых как раз и образуют то, что он видит. В большинстве случаев это так же удобно, как смотреть кинофильм, забывая о технологии создания изображения на экране» [Розов 1995, 104]. Отмечу явное сходство теории социальных эстафет М.А. Розова с когнитивными интенциями «феноменологического поворота» Э. Гуссерля, сместившего когнитивный фокус с интенционального объекта на акты его «схваченности» в сознании. Теория социальных эстафет М.А. Розова призывает «замечать» в когнитивном образе объекта следы реализованных в нем исследовательских программ. Следует отметить и когнитивную значимость концептов «закрытой» и «открытой» рациональности В.С. Швырева, по смыслу близких идеям методологического размежевания «контекстов обоснования» и «контекстов открытия» в позитивистской традиции, но введенных с иной когнитивной целью. Его концептуально-классифицирующее доопределение рациональности имплицитно вызвало к поддержанию рационального тонуса современной философии, неявно оппонируя новомодной критике науки как «омертвляющей», «иссушающей», «репрессивно-нормативной» и т.п. Помню, на вопрос, заданный на «круглом столе» теоретико-познавательного симпозиума в Звенигороде: «Вы за открытую или закрытую рациональность?», В.С. Швырев, не задумываясь, ответил: «Я за открытую рациональность, я за закрытую рациональность, но я против той глупости, которая сейчас господствует».

Но самое важное — и этим я хотела бы закончить, — сектор, откликаясь на актуальные когнитивные вызовы в современной теории познания, выстраивает им продуктивные альтернативы, например, в концепции *конструктивного реализма* (термин В.А. Лекторского), «снимающего» (в гегелевском смысле — *Aufheben*) релятивистские интенции конструктивизма и элиминативистские — крайних версий когнитивного натурализма. В когнитивной «чуткости» к актуальным тенденциям в современной теории познания, сохранении (и приумножении) ценностей научной рациональности и философского реализма на протяжении всех сорока лет я вижу главный вклад сектора в философскую теорию познания.

Лекторский: У нас в секторе в последние годы жизни работал выдающийся философ Михаил Александрович Розов. Его в живых нет, но участвует в нашем «круглом столе» Наталия Ивановна Кузнецова, его вдова и друг, которая работала вместе с Михаилом Александровичем, знает его идеи и связана с нашим сектором.

Кузнецова: Дорогие коллеги, я тоже начну с автобиографического описания. Благодаря очень полезной инициативе И.Т. Касавина мы можем отрефлексировать, так сказать, «карьеру ума» (пользуюсь слоганом Стивена Фуллера) отечественного гносеолога. Несомненно, в рамках социологического изучения интеллектуальной жизни это очень интересный материал.

Что касается меня лично, то выбор философского факультета был связан с необходимым интересом к вопросу о том, как человек мыслит, когда он познает окружающий мир. Вектор интереса (не знаю, откуда он взялся) очевиден, другой дороги, кроме как в гносеологию, просто нет. Еще одно забавное, но судьбоносное, обстоятельство: в 1964 г. молодой человек, окончив среднюю школу, не мог поступить на дневное отделение философского факультета. Необходим был двухлетний «пролетарский стаж»!.. Поэтому я отправилась на заочное отделение МГУ, и мне следовало найти пристойную работу. В мои 17 лет удалось найти приют в Институте истории естествознания и техники (ИИЕТ). Не сразу я осознала, как мне повезло! К 1960-м гг. там собралось немало замечательных людей, историков науки, а в эру «подписантов» ИИЕТ буквально расцвел, поскольку стал своего рода «колонией-поселением» для

опальных философов, проштрафившихся и не проявивших политической зрелости интеллигентов. Напомню, что когда я пришла, в ИИЕТе уже работали В.С. Библер, А.С. Арсеньев, Б.С. Грязнов, а к концу 60-х гг. появились И.С. Алексеев, П.П. Гайденок, А.П. Огурцов, М.К. Мамардашвили, «системники» (Э.Г. Юдин, И.В. Блауберг, В.Н. Садовский). Не стоит продолжать, список длинный. «Критическая масса» отечественной передовой философской мысли – в первую очередь, в сфере теории познания и методологии науки – скопилась именно в Старопанском переулке. Через два года я полностью отказалась от желания перейти на дневное обучение. «Мои университеты» в лучшем смысле слова – это ИИЕТ. В конечном итоге я написала кандидатскую диссертацию по теме «Гносеологические особенности историко-научного исследования», которая была защищена в МГУ, но с полным основанием могла проходить через сектор теории познания ИФАН.

Все же я думаю, что «оттепель» философских конференций и семинаров начиналась в ИИЕТ. Атмосфера оживленных интеллектуальных споров и дружелюбия, которая потом характеризовала мероприятия сектора теории познания и о которой ностальгически вспоминали, зародилась, на мой взгляд, на конференциях по методологии историко-научных исследований, первую из которых (1973 г., Обнинск) мастерски провел Борис Семенович Грязнов. Философы, даже кое-кто из здесь собравшихся, там присутствовали. Обсуждение было устроено, как положено, по Лакатосу: философы «измышляли», а мы, историки науки, «громимы» их земными фактами, ведь история науки – «пробный камень» для философских построений. Союз абстрактной теории (гносеологии) и эмпирии (изучение исторического развития науки) был нами заключен по обоюдному согласию и к обоюдному удовольствию.

Именно на той далекой конференции мы познакомились с Михаилом Александровичем Розовым, который стал моим научным руководителем и с которым мы более не расставались ни в научном, ни в жизненном ракурсах. Вот он, на самом деле, много лет лелеял мечту когда-нибудь, каким-то чудом выбраться из преподавательской колеи и получить работу в секторе под названием «теория познания». То была хрустальная мечта, слава Богу, что она сбылась.

Что касается ретроспективной оценки значимости сектора теории познания и его роли в развитии отечественной философии, то для меня двух мнений быть не может: именно тематика и проблематика гносеологии была тем «локомотивом», которая вывела в конечном счете отечественную философию советского периода из идеологического тупика, теоретического и нравственного застоя. Когда социальная ситуация коренным образом изменилась, люди, которые здесь работали, не должны были срочно, в панике «перестраиваться», менять свои взгляды и профессиональные стандарты. И это дорогого стоит.

Тем не менее мы сейчас, уже не имея никаких цензурных ограничений, не обсудили некоторых принципиальных вещей, а потребность в этом давно назрела. Вот мой краткий «меморандум» – список таких неотложных вопросов:

1. Все мы выросли в традициях классической философской гносеологии. Термин «эпистемология» пришел в наше сообщество достаточно поздно, считай, только в конце 80-х гг. Есть ли содержательное различие этих терминов? Или это указание на разные концептуальные каркасы? Вероятно, различие есть, но в чем оно состоит? Сегодня мы не в состоянии перевести слово «гносеология» на английский язык – существует только «эпистемология». В современном немецком профессиональном языке, судя по всему, этот термин также исчез. Если быть внимательным, не так просто отождествить то, чем мы привыкли заниматься, с тем, что имеет в виду англоязычный автор, говоря об эпистемологической проблематике. Надо отдать себе отчет: что мы теряем и что приобретаем, отказываясь от одной традиции и усваивая другую.

2. Очевидно, что в настоящий момент в эпистемологической сфере выдвинуто несколько исследовательских программ, практически все они – как авторы или представители – присутствуют здесь, являются участниками нашего собрания: а) конструктивный реализм (В.А. Лекторский); б) социальная эпистемология (И.Т. Каса-

вин); в) культурно-историческая эпистемология (Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина); г) эмпирическая эпистемология, развиваемая на базе ТСЭ М.А. Розова (Н.И. Кузнецова, Ж.К. Загидуллин). В принципе, сюда можно добавить акторно-сетевую теорию Бруно Латура, хотя, с моей точки зрения, АСТ может быть адекватно понята только в рамках ТСЭ и даже может быть ею ассимилирована. Спрашивается: почему бы не разобраться в том, насколько эти программы различаются (а вдруг и спора-то никакого нет?), что, собственно, предлагают, чем вызвана необходимость именно таких проектов? При этом глубоко убеждена в том, что приводить все наши наработки к единому знаменателю или искать единую платформу не следует, эпистемология, к счастью, всегда была и останется полифоничной.

3. И, наконец, — last but not least! — меня очень волнует исходная модель знания как такового. Необходимо вновь обсудить этот вопрос, не делая вид, что он решен! Однажды на коллоквиуме мне пришлось прибегнуть к аналогии с «Капиталом» Маркса: мы анализируем мощное *расширенное воспроизводство товаров* (научное познание), не разобравшись в том, что собой представляет *товар* (знание). Но «Капитал» начинается со знаменитой фразы — товар есть единство потребительной и меновой стоимости. С чего начинаем мы? «По умолчанию» почему-то приняли западный тезис: *знание есть обоснованное мнение*. Для меня это звучит почти невыносимо, это шаг к «бадейнской теории познания», над которой насмеялся К. Поппер и которая, казалось, успешно преодолена!.. Что можно такому понятию знания, широчайшим образом циркулирующему в сообществе, противопоставить? Не буду скрывать, удачный вариант исходной модели знания содержится в теории социальных эстафет. Увы, ТСЭ — отечественная разработка, однако нас по-прежнему манит исключительно то, что сделано и утвердилось на Западе.

Лекторский: Хочу сказать кое-что в связи с интересным выступлением Наталии Ивановны. Мне приходилось писать о том, что новый философский ренессанс в нашей стране связан с обсуждением на философском факультете МГУ в 1954 г. тезисов Э.В. Ильенкова и В.И. Коровикова о предмете философии (с их точки зрения, таким предметом как раз и является теория познания). В это же время и во многом в связи с этим появились философы, которые потом играли важную роль в нашем интеллектуальном сообществе: А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищев, В.М. Межуев и др. Тогда философский факультет МГУ был центром интересной философской жизни. После разгрома факультета в 1955 г. этот центр переместился в Институт философии АН СССР, в частности в сектор диалектического материализма, куда перешли Ильенков и Зиновьев. Другим таким центром уже в 60-е гг. стал журнал «Вопросы философии», где работали М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролов, И.В. Блауберг, Э.Ю. Соловьёв, В.Н. Садовский, А.П. Огурцов и др. Могу с уверенностью сказать, что атмосфера живых и доброжелательных дискуссий возникла в нашем секторе (диалектического материализма, а потом теории познания) Института философии по крайней мере уже в середине 60-х гг. (я стал заместителем заведующего в 1966 г.). В конце 60-х г. третьим таким московским центром стал Институт истории естествознания и техники, когда директором там стал Б.М. Кедров и когда он принял в Институт значительную группу философов, находившихся под идеологическим подозрением. В 60-е гг. в стране возникли интересные философские школы, ориентированные на разработку проблем теории познания и философии науки, в Киеве (П.В. Копнин), Минске (В.С. Стёпин), Алма-Ате (Ж.М. Абдильдин) и других местах. Я хочу особо подчеркнуть то обстоятельство, что между этими центрами были теснейшие взаимосвязи: нередко люди переходили из одного из них в другой, сохраняя при этом тесные личные и философские контакты. Так, например, А.П. Огурцов и В.Н. Садовский сначала работали в нашем Институте (Огурцов непосредственно в нашем секторе), потом перешли в «Вопросы философии», а потом в ИИЕТ. А.С. Арсеньев работал сначала в нашем Институте (и был поклонником Ильенкова), потом перешёл в ИИЕТ. Мамардашвили перешёл в ИИЕТ из «Вопросов философии», где был в течение 6 лет заместителем главного редактора. Я уже гово-

рил о том, что В.С. Библер одно время хотел работать в нашем секторе и о том, что Б.С. Кедров был нашим другом, одно время даже заведовал сектором диалектико-материализма и сотрудничал с нами. Нередко философы, работавшие в этих разных центрах, выступали с совместными публикациями. Так, в 1960 г. в «Вопросах философии» была опубликована моя с Садовским статья, послужившая толчком для развития системного движения в нашей философии. В начале 70-х гг. вышла статья М. Мамардашвили, В. Швырёва и Э. Соловьёва о классической и неклассической философии, ставшая философским событием. В это же время четыре человека — Э.Г. Юдин, В.С. Швырёв, А.П. Огурцов и я — написали статью «Философия» для «Философской энциклопедии». Б.С. Грязнов был другом нашего сотрудника Е.П. Никитина и участвовал в публикациях нашего сектора. Я уже говорил о том, что большая статья В.С. Стёпина, в которой он впервые излагал основные идеи своей концепции философии науки, была опубликована в нашей коллективной монографии. Словом, интересные философы, работавшие в 1970–1980-е гг. в разных философских центрах, при всех разногласиях между ними принадлежали к единому философскому движению. Теперь относительно тех вопросов, которые поставила Наталия Ивановна.

Относительно гносеологии и эпистемологии. Я не вижу здесь проблемы. Термин «гносеология», использовавшийся в нашей стране (и в некоторых других, например, в Италии) понимался в качестве тождественного теории познания. Эпистемология мыслится всюду как синоним теории познания. Поэтому все три термина взаимозаменяемы. Просто сейчас в большинстве стран наиболее употребителен термин «эпистемология». По этому пути пошли и мы.

О разных программах понимания и развития эпистемологии. Я согласен с тем, что эти программы нужно сопоставлять. Таковую работу мы отчасти начали. Это нужно продолжить.

О том, что есть знание. В тезисе (идущем от Платона) о том, что знание есть обоснованное мнение, я не вижу ничего невыносимого. Дело, на мой взгляд, не в самом этом тезисе, а в том, *что* понимать под обоснованием и под истиной (обоснованное знание является истинным, неистинного знания не бывает). Принятие самого этого тезиса вовсе не влечёт «бадеиной теории знания», которую критиковал Поппер. Для него цель любого познания, в том числе научного, — это получение истины, а последняя им понимается как соответствие утверждения реальности (Поппер, как известно, был последовательным эпистемологическим реалистом). В любом случае от обсуждения этих сюжетов невозможно отвлечься, если мы хотим заниматься эпистемологией. Интересная теория социальных эстафет М.А. Розова, с моей точки зрения, сама по себе этих вопросов не решает.

Левин: К числу интересных особенностей сектора теории познания относится и то, что новых сотрудников в него до недавнего времени принимали тайным голосованием всех членов сектора. Именно так я был единогласно принят в него в 1990 г. Это было очень интересное время — начало эпохи перемен, как говорят китайцы. И чтобы охарактеризовать историю сектора, которая протекала на моих глазах, нужно несколько слов сказать о сути этих перемен.

На протяжении семидесяти лет — с начала 1920-х до начала 1990-х гг. — диалектический и исторический материализм были в нашей стране государственной философией, сравнимой по статусу с государственной религией. Три поколения честных, мужественных и талантливых отечественных исследователей сумели в условиях жесточайшего идеологического гнета создать целостную, хорошо структурированную философскую систему, охватывающую практически все классические философские проблемы. Об уровне их исследований можно судить хотя бы по антологии статей, опубликованных в журнале «Вопросы философии» за первые 60 лет его работы.

В начале 1990-х гг., как раз когда я был принят в сектор теории познания, диалектический материализм был лишен статуса государственной философии. Перед отечественными философами открывалась возможность быть самими собой, как лю-

бил говорить один из самых талантливых сотрудников сектора В.С. Швырёв. Можно было, не опасаясь быть уволенным, критиковать явно ошибочные положения «классиков марксизма», развивать сформулированные ими, но не развитые до конца действительно выдающиеся идеи, ассимилировать научные результаты, полученные в рамках других философских систем, привести всю систему отечественной философии в соответствие с данными конкретных наук и получить на основе всех этих перемен новые научные результаты. Это позволило бы, сохранив традиции отечественной философии, поднять ее на уровень других современных философских систем. Разумеется, решение этих задач требовало тяжелой профессиональной работы.

Но произошло другое. Все содержание отечественной философии было отождествлено с ее казенным, догматическим вариантом, а весь громадный труд трех поколений выдающихся отечественных философов был попросту отброшен. Молча, безо всякой критики, из учебников и справочных изданий исчезли положения, без знания которых студент когда-то не мог рассчитывать даже на тройку: ленинское определение материи, основной вопрос философии, три закона диалектики и т.д. На людей, которые пытались защищать их, стали смотреть с жалостью и сочувствием как на маргиналов и обскурантов. Современными стали считаться релятивизм, аналитическая философия, репрезентационизм.

Но исчезли не только предлагаемые отечественными философами решения философских проблем. Из сферы философских интересов исчезли и сами эти проблемы. Центр философской проблематики обнажился. Интересы исследователей сместились к ее периферии, к границе между философией и конкретными науками. Причем наиболее авторитетные решения философских проблем, возникающих на этой границе, принадлежат не философам, а представителям конкретных наук. Сами же философы лишь возводят эти решения в последнее слово философии. Совершается таким образом депрофессионализация отечественной философии. В жуткое положение попали преподаватели философии: что говорить студентам? Наиболее инициативные из них нашли блестящий выход: просто стали преподавать историю философии и тем спасать культуру отечественного философского мышления.

Чтобы увидеть, как в этих условиях действовал коллектив сектора теории познания, достаточно проанализировать список его работ, опубликованных за этот период. Они приведены на сайте сектора.

Прежде всего бросается в глаза тот факт, что эти работы посвящены наиболее актуальным проблемам, активно обсуждаемым в мировой философии. Здесь мы найдем анализ и философии сознания, и философии когнитивных наук. Большой вклад в решение этих проблем внесли относительно новые сотрудники сектора – Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов и Е.О. Труфанова. Но за этой доступной непосредственному наблюдению картиной важно увидеть глубинную особенность работы сектора, которую я считаю главным его завоеванием. Национальная философия, не знающая своей подлинной истории и не опирающаяся на нее, не вправе называться национальной философией. Все эти, а также другие актуальные философские проблемы сотрудники сектора разрабатывают на основе традиций реализма, этого стового хребта отечественной философии. До недавнего времени он выступал как само собой разумеющаяся основа наших исследований. Но в последнее время он стал подвергаться критике со стороны наших коллег, называющих себя релятивистами. Зарождение профессиональной мировоззренческой дискуссии, которой так не хватало и в глухие времена диктатуры диамата, и в сменившее их безвременье девяностых годов, когда наша отечественная философия напоминала мне хор глухих, можно только приветствовать. Оно создает ту конкурентную среду, без которой невозможно развитие никакой науки, в том числе и философии. Коллектив сектора, руководимый В.А. Лекторским, принял брошенный вызов. Мы опубликовали две книги: одну с критикой релятивизма, а другую в защиту реализма. Реализму был посвящен и «круглый стол» в «Вопросах философии». И здесь произошел курьез, о котором я не могу умолчать. Участники «круглого стола» глубоко и профессионально анализировали

примерно полтора десятка разных видов реализма и материализма. Я специально выступал последним: все ждал, вспомнит ли кто-нибудь о диалектическом материализме — отечественной разновидности реализма, которая на протяжении семидесяти лет преподавалась во всех вузах нашей страны. Не дождался. Я считаю этот факт показательным для оценки состояния отечественной философии. Дело ведь не в том, что лучшие специалисты по реализму забыли об этой его разновидности. Они просто опасались, что само упоминание о ней позволит заподозрить в них ее сторонников. Елена Олеговна прекрасно описала результат этой интеллектуальной робости: студенты, изучавшие философию после девяностого года, подчас даже не слышали о диалектическом материализме. Выросшим на аналитической философии или, как выражается Дмитрий Валерьевич, на «академической англоязычной традиции» сегодня трудно даже читать работы, написанные на языке отечественной разновидности реализма. Так неужели диалектический материализм придется воскрешать из небытия так же, как мы воскрешаем сегодня отечественную религиозную философию? Это не риторический вопрос. Такая возможность есть, и коллектив сектора теории познания делает все, чтобы она не стала реальностью. Речь идет не о том, чтобы объявить реализм единственно правильной методологической основой для решения актуальных философских проблем. Задача заключается в том, чтобы в ходе исследования этих проблем конкретно показать, что он является не менее надежной методологической основой их исследования, чем агностицизм, релятивизм протагоровского типа, презентационизм и солипсизм.

В заключение я хочу подчеркнуть, что сектор не ограничивается организацией работы только своих сотрудников. Для решения поставленных им задач он привлекает исследователей из других секторов института, из других институтов и даже из-за границы.

Лекторский: Вы не сказали о том, что в «круглом столе» по проблемам реализма, опубликованном в «Вопросах философии», я говорил о диалектическом материализме. Я говорил, в частности, о том, что сам этот термин, как известно, отсутствует у Маркса и Энгельса, что он появился позже, в работах Плеханова и Ленина. Я говорил также о том, что эту концепцию можно рассматривать как незаконченный проект, в котором есть плодотворные идеи, принятые современной философией и наукой (идея развития, идея разных уровней реальности, эпистемологический реализм, материализм, деятельностный подход к пониманию познания и сознания и др.), и есть нечто упрощённое (сведение диалектики к трём законам и др.). Но эта концепция, которая в принципе могла бы развиваться, модифицироваться (в том числе пересматривая некоторые собственные установки) была в советские годы догматизирована. Это не мешало тому, что, например, в нашем секторе, даже тогда, когда он назывался сектором диалектического материализма, могли развиваться по-настоящему плодотворные философские идеи: правда, их нередко критиковали как раз за «отступление от диалектического материализма», как я уже рассказывал в начале нашего обсуждения.

В нашем заседании участвуют люди, которые позже пришли в наш сектор, но тем не менее интересно и плодотворно работают. Но среди таких недавних наших сотрудников есть известный человек, который работает в нашей философии давно, хотя это молодой член нашего коллектива. Это Давид Израилевич Дубровский.

Дубровский: Хотя я работаю в Институте тридцать лет, но в секторе я один из самых «юных» — всего лет десять. Тем не менее, конечно, у меня богатые впечатления о работе сектора. Очень важный фактор нашей научной жизни — это обстановка, ситуация в коллективе, характер руководства. Дружеские отношения в нашем коллективе, доброжелательность руководства создают благоприятные условия для продуктивной научной деятельности.

Хочу коснуться теоретических вопросов, которые здесь обсуждались. Эпистемология — это фундаментальный раздел философского знания. Любой философ, чем бы он ни занимался, должен обладать профессиональной компетенцией и в этой области, использовать инструментарий и опыт эпистемологии для разработки своих про-

блем. Я говорю об этом в связи с тем, что много лет являюсь членом диссертационного совета по эстетике, этике, антропологии. И меня не раз удивляло, что обсуждение сложных актуальных вопросов этих областей философского знания в большинстве случаев как бы отрешены от специального эпистемологического рассмотрения предмета исследования, анализа тех познавательных средств, с помощью которых производится процедура описания и объяснения. Это, безусловно, снижает продуктивность исследования.

Владимир Натанович хорошо говорил о том, что сейчас в философии заметно ослаблена разработка ее фундаментальных вопросов, превалирует своего рода частная проблематика («философия чего-то», как называют эту тенденцию; некий чрезмерный практицистский уклон). Я думаю, что это отражает общую тенденцию нашего времени: принижения фундаментальной науки и доминирования прикладной науки, призванной давать коммерчески значимые результаты.

А это, в свою очередь, выражает требования главного курса нашей потребительской цивилизации: ещё больше потреблять, чтобы ещё больше производить, чтобы ещё больше потреблять и т.д. Из этого параноидального круга не видно выхода. Но этот курс нашей цивилизации ведёт ее к гибели, о чем много говорят и пишут, однако не предпринимается никаких решительных противодействий. Глобальный кризис неуклонно углубляется, захватывает все сферы жизни общества — политические, социальные, экономические, демографические, этические, все области культуры. Это глобальный антропологический кризис, и он ставит перед философией принципиально новые проблемы. Недавно опубликован 50-й, юбилейный доклад Римского клуба, в котором основательно анализируются губительные угрозы нынешнего развития земной цивилизации и прямо ставится вопрос о «философских корнях текущего состояния мира», о необходимости «новой философии». Понятно, что это имеет к нам самое непосредственное отношение, выдвигает экзистенциальные вопросы о смысле и обоснованности нашей философской деятельности, требует ее существенной перестройки.

На первом плане сейчас в философии оказывается проблема сознания, которая давно разрабатывается в нашем секторе, и, думаю, в этом его определенная заслуга. Эпистемологические аспекты проблемы сознания исключительно актуальны. Однако время требует более глубокого рассмотрения многомерной смысловой панорамы этой проблемы под углом именно глобального кризиса земной цивилизации. Ведь все деяния человека и человечества определяются его сознанием — его интересами, целями, мировоззрением. В этом контексте можно говорить не только об индивидуальном, групповом, массовом, национальном, религиозном, научном сознании и т.п., а шире — о человеческом разуме. Важно осмысливать не только его творческие достижения и возможности, но, что особенно важно, его биологическую и земную ограниченность, связанные с этим его типичные самообманы и негативные свойства, т.е. такие качества массового человека, как неумное потребление, агрессивность, чрезмерное своеволие. Именно эти качества во многом обуславливают цели и способы деятельности человека. И вопрос в том, возможно ли их изменить. Если это невозможно, то судьба нашей цивилизации плачевна. Трудная миссия философа состоит в поддержании оптимистической перспективы, веры в благое возможности нашего разума. Однако это вместе с тем предполагает задачу, напоминающую в чем-то задачу, поставленную Кантом в его критике чистого и практического разума, но решаемую на более глубоком уровне как задачу критики человеческого разума в целом. Ведь мы должны отдавать себе ясный отчет, что наш человеческий разум ведёт цивилизацию на край гибели.

Порус: Разум ведет?

Дубровский: Да, ведёт. Наш разум санкционировал мировые войны, бесконечные социальные раздоры, угрозу термоядерной войны; он ведёт и уже привёл земную цивилизацию ко многим необратимым ситуациям в экологической сфере, к изменению климата, озоновым дырам, загрязнению почв и океанов, искоренению десятков мил-

лионов гектаров леса, уничтожению видов живых существ и т.д. Надо ли перечислять далее чудовищные разрушения на нашей планете, сотворенные деятельностью человечества под руководством его разума. Или вы предпочитаете называть разумом только нечто «хорошее» — благоразумное, справедливое, честное, возвышенное, благотворное? Эти качества тоже ему в определенной мере присущи, но они не повлияли на мрачные итоги того, что уже сотворено человечеством на нашей планете. Разумеется, остаётся надежда, что человеческому разуму удастся избежать суицидального финиша. Это первостепенный вопрос для философской творческой деятельности, направленной на поиски путей преобразования человеческого разума, а значит, и нашего собственного разума.

Здесь нет возможности подробно обсуждать актуальные вопросы исследования сознания и познания, которые остро ставятся глобальным антропологическим кризисом. Я попытался кратко сказать о самом важном. И надеюсь, что все мы еще вернемся к осмыслению этих вопросов.

Лекторский: Спасибо, Давид Израилевич. Вы поставили целый ряд очень важных проблем. Как быть с разумом? Конечно, развитие науки и связанных с нею технологий не только принесло положительные результаты, но и создало немало проблем, начиная с экологических и кончая человеческими отношениями. Наверное, эти проблемы и их решение как раз и будут определять будущее человека и культуры. Дело тут не просто в разуме самом по себе, а во взаимоотношении разума и человеческих ценностей. Вот об этом и нужно думать. Но ясно, что думать придётся при помощи разума. Но разума не узко сциентистского и не технократического, а философски просветлённого. Слово имеет заведующая сектором Елена Олеговна Труфанова.

Труфанова: Хочу поблагодарить выступавших за интересные воспоминания, мне тоже есть что вспомнить — в прошлом году и я отметила маленький юбилей — ровно десять лет, как я работаю в Институте философии, в секторе теории познания. Ну а связана с ним еще со студенческих лет. Хочу поделиться некоторыми наблюдениями по поводу трансформации проблематики сектора за этот период. Когда я пришла на работу в 2007 г. в секторе как раз заканчивался ряд проектов по рациональности, незадолго до этого вышла книга «Наука глазами гуманитария», которая получила премию Института философии, и в разгаре были проекты по конструктивизму. Одна из моих первых статей как сотрудника сектора была написана для книги «Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке», которая тоже потом получила премию. Это было началом ряда последующих проектов, после этой книги был написан коллективный труд по проблеме релятивизма, а буквально в прошлом году вышла книга «Перспективы реализма в современной философии». Такое вот последовательное развитие единой проблематики, которая красной нитью проходит через последние десять лет нашей совместной работы в секторе. Мне кажется, очень верно отметила сегодня Наталья Михайловна Смирнова, что в секторе всегда поддерживались традиции философского реализма. Как мне представляется это сейчас очень важно в контексте современных дискуссий в мировой философии, в мировой эпистемологии и философии науки. Я выступала пару лет назад с докладом в Ганновере, в университете, рассказывая им о проблематике исследований в отечественной эпистемологии последних 20 лет, и они были удивлены: как это вы занимаетесь тем же, чем и мы? В западной философии сейчас очень много пишется о разных разновидностях реализма, разных вариациях конструктивизма и т.д.

Вторая тема, которая приобрела у нас в последнее время сильное звучание — как раз с приходом в сектор Давида Израилевича и Дмитрия Валерьевича — это проблематика сознания, связанная, с одной стороны, с аналитической традицией и, с другой стороны, с когнитивными науками, с тем, что сейчас называется нейрофилософией и т.д. В связи с этим я хотела бы как раз ответить на один из вопросов, предложенных к «круглому столу», о том, какое место современная теория познания занимает среди когнитивных наук, STS и прочего? Этот вопрос, на мой взгляд, весьма острый. У меня такое ощущение, что теория познания в том виде, в котором ей за-

нимается наш сектор, находится, скажем так, между Сциллой и Харибдой. С одной стороны — ультрасоциологизаторские исследования, связанные с радикальными версиями социальной эпистемологии и STS, социальным конструкционизмом, к примеру, а с другой стороны — когнитивные исследования и нейронауки. Такая почти классическая дилемма «природа или воспитание», и обе традиции тянут одеяло на себя, утверждая, что эпистемологическая проблематика растворяется или в социологии научного познания, или в эмпирических исследованиях когнитивной системы человека. Как мне кажется, подобная абсолютизация ни в ту, ни в другую сторону не будет полезной. И мне кажется, именно ряд программ, которые были предложены сотрудниками нашего сектора, как раз являются попыткой найти компромиссный вариант, как бы сказали буддисты — срединный путь между этими двумя крайностями. Это программы конструктивного или деятельностного реализма, которые мне очень близки, культурно-исторической эпистемологии, а также теория социальных эстафет. Такие программы учитывают и социокультурный контекст исследования, с одной стороны, и исследования, связанные с «отелесненным» познанием, с исследованиями мозга, с другой. Учитывают, но при этом остаются в рамках собственно философского исследования. На мой взгляд, крайние социологические или крайние «когнитивные» исследования дают нам большое количество новых данных, которые, собственно, ставят новые философские вопросы или, скорее, углубляют старые классические философские вопросы, но не дают новых решений. То есть это только эмпирический материал, за которым должна стоять теория, и как раз в выработке этой теории — теории познания — и состоит главная ценность той проблематики, которой мы занимаемся. Поэтому не надо считать, что STS или когнитивные науки все решат за нас, что они «отбирают у нас хлеб». Наоборот, они дают новые содержательные проблемы для размышлений.

И еще одну черту хочу отметить, которая мне всегда нравилась в нашей рабочей атмосфере. Когда я училась в университете, был период отторжения марксизма-ленинизма, имена не только Ленина, но и Маркса, и Энгельса преподаватели старались не упоминать, слово «марксизм» было вроде и не под запретом, но никогда не произносилось. И даже такие слова, как «идеализм» и «материализм», практически не звучали. В секторе я столкнулась с тем, что все позиции рассматриваются не с точки зрения их какой-то идеологической подоплеки, но именно с точки зрения их самостоятельной ценности — насколько они хороши для решения тех или иных проблем. Никакой «аллергии» на Маркса, подобной той, с которой я сталкивалась в университете, не было. Как и не было какого-то «остаточного» «идолопочитания». Мне такая позиция очень импонирует, и мне кажется можно успешно сочетать в исследовании подходы современных западных авторов и отечественных философов-«шестидесятников». Я всегда считала, что философия не должна быть «партийной», т.е. нет единственно правильной точки зрения, которой мы все обязаны придерживаться. Некоторые научные коллективы, действительно, так работают. Но мне кажется, мы должны обсуждать именно проблемы, и разные традиции могут давать разный взгляд на одну и ту же проблемы, и все эти взгляды будут по-своему полезны. Поэтому, нам в секторе успешно удается поддерживать такой плюрализм подходов и позиций, и в этом одна из наших сильных сторон.

Иванов: В секторе я, наверное, по сравнению с остальными работаю не так давно — семь лет. Надо сказать, что мне всегда хотелось работать в Институте философии, и я с большим удовольствием погрузился в работу, когда пришел. Меня всегда радовали присутствующие в Институте философии и творческая атмосфера, и работа с фундаментальными проблемами, обсуждаемыми в современной философии. Однако, как мне кажется, оценивая состояние теории познания в стране в целом, в университетах, не следует отталкиваться от положения дел в Институте философии. В целом я согласился бы с Владимиром Натановичем. Действительно, ситуация с философскими фундаментальными исследованиями удручающая. Фундаментальными исследованиями не занимаются. И не только молодежь не занимается. Старшее по-

коление не занимается. Где работы по теориям истины? Кто бы взялся написать книгу по априорным, апостериорным, необходимым суждениям? Кто бы взялся их исследовать, например, средствами современной модальной логики? Нет, все идет по простому пути. Всем нравятся такие темы, как знание и власть, знание и общество. На эти темы можно говорить сколько угодно, здесь не требуется какая-то, в общем, сложная подготовка. А вот эти сложные фундаментальные темы – обоснование знания, когерентистские, фундаменталистские теории, интерналистские, экстерналистские подходы, априоризм, натурализация знания – практически отсутствуют в нашей университетской философии.

У меня есть гипотеза, почему теория познания находится в таком состоянии в нашей стране. Часто у нас эту дисциплину обозначают архаичным термином «гносеология». Этот термин ввел в первой половине XVIII в. Александр Баумгартен в связи с обсуждением эстетики, которая понималась им как наука о чувственных когнитивных процессах (*scientia cognitionis sensitivae*). Он использовал термин *gnoseologia inferior*, который можно перевести как базовая гносеология (гносеология низшего уровня), т.е. гносеология понималась как исследование познавательных, когнитивных процессов, как они представлены на чувственном уровне. Как отмечает Ян Воленски в статье «История эпистемологии», открывающей сборник статей *Handbook of Epistemology*, выпущенный в 2004 г. под редакцией И. Ниинилуото, М. Синтонена и Я. Воленски, в настоящий момент, хотя термин «гносеология» иногда и употребляется, термины «эпистемология» и «теория познания» пользуются большей популярностью. Термин «эпистемология», как вы знаете, впервые использовал Джеймс Феррьер в середине XIX в. Третий термин – «теория познания» (*Erkenntnistheorie*) – был предложен Эрнстом Рейнгольдом в первой половине XIX в. По моим личным наблюдениям, в современной философии чаще встречается термин «эпистемология».

В Институте философии мы часто используем термин «эпистемология», в российском философском сообществе же в целом, как мне кажется, используется прежде всего термин «гносеология». Это не безобидное использование терминов. Эти термины не взаимозаменяемы. Гносеология – это не то же самое, что эпистемология, хотя проблематика этих дисциплин может пересекаться. Почему это не то же самое? В этих дисциплинах делается акцент на разных вещах. Каким образом часто разводят эпистемологию и гносеологию? Говорят, что эпистемология – это теория научного знания, а гносеология – это исследование знания вообще. Такое понимание было в Марбургской неокантианской школе. Мы, скорее, следуем за неокантианцами. Но, в общем, как я полагаю, такое разделение является не совсем верным. Эпистемология, на это указывает сам термин «эпистема», – это дисциплина, занимающаяся исследованием знания, уже выраженного во мнении, суждении, а не просто исследованием познавательного отношения живого существа к миру. Конечно, научное знание выражено в суждениях, поэтому большей частью, когда мы обсуждаем знание, с точки зрения эпистемологии речь идет о научном знании. Однако в сфере того, что называется обыденным знанием, мы также оперируем суждениями, которые могут быть истинными и обоснованными. Они также являются тем видом знания, которым интересуется эпистемология. Поэтому я бы не стал ограничивать эпистемологию теорией научного знания.

Эпистемология – это исследование того знания, которое уже выражено во мнениях, вербализовано, обсуждение того, какие еще критерии необходимы для того, чтобы назвать это мнение знанием. Об этом сказала Наталия Ивановна, но она со скептицизмом отнеслась к попыткам понять знание как истинное, обоснованное мнение. Хотя проблемы, связанные с таким пониманием, уже поднимались Платоном в «Тезетете». В XX в. эту проблематику активно обсуждали прежде всего в связи со статьей Геттиера. В связи с этой проблемой возникает множество сложных вопросов. Например, что такое обоснование, какой подход предпочтителен, когерентистский или фундаменталистский? Можно сказать, что эпистемология, будучи исследованием знания, выраженного в суж-

дениях, проблем истинности и обоснованности этих суждений, является осмыслением нормативных аспектов познания.

Можно согласиться с пониманием гносеологии как исследования знания в самом широком смысле, подразумевая под этим исследование познавательных отношений живого существа к миру и понимая познавательные процессы как когнитивные. Собственно, обращаясь к этимологии слова «когнитивный», мы можем увидеть, что оно связано со словом «гносеология». В основе термина «гносеология» лежит греческое слово «гносис», знание. Этимологически с этим словом связано латинское слово «cognitio», также обозначающее знание. Можно сказать, что в целом такое понимание гносеологии является развитием понимания гносеологии, предложенного Баумгартеном. Будучи исследованием познавательных процессов в целом, гносеология делает акцент на исследовании эмпирических процессов, а не нормативных аспектов знания. В этом ее существенное отличие от эпистемологии.

Почему в настоящий момент термин «гносеология» считается архаичным и почему, как мне кажется, мы должны отказаться от этой дисциплины? Дело в том, что в настоящий момент очень активно развиваются и философия сознания, и философия когнитивной науки, и, собственно, сама когнитивная наука. Область исследования познания очень хорошо проработана. И те общие суждения о познавательной деятельности в целом, которые философы могут вынести, оставаясь в рамках гносеологии, оказываются достаточно слабыми. Вместе с тем, делая акцент в гносеологических исследованиях на эмпирической стороне познавательного процесса, мы упускаем вопросы, связанные с нормативным характером знания. Именно этим я объясняю отсутствие современных работ по фундаментальным эпистемологическим вопросам в нашей стране.

По поводу пессимизма. Мне кажется, я все-таки не такой пессимист, как Владимир Натанович. Ситуация с фундаментальными эпистемологическими исследованиями может измениться. Когда восемнадцать лет назад я занялся такими фундаментальными проблемами философии сознания, как психофизическая проблема, проблема квалиа и ментальных репрезентаций, в стране было очень мало специалистов, готовых обсуждать их. Сейчас же появилось много молодых ученых, студентов, которые интересуются этой проблематикой. Появился Московский центр исследования сознания и различные научно-образовательные Интернет-ресурсы, такие, например, как Постнаука, где обсуждаются эти проблемы. Возможно, через десять-пятнадцать лет и такого рода эпистемологическая проблематика станет популярной.

Автономова: Конечно, каждый из нас, собираясь на сегодняшнее обсуждение, произвел ревизию своих словоупотреблений и терминопотреблений, я тоже это сделала, задавшись вопросом о том, какими понятиями — «гносеология», «теория познания», «эпистемология» — я пользуюсь часто, а какими не пользуюсь вовсе, и почему. Если обратиться к искушенным в переводе античникам, они дадут ответ недвусмысленно ясный, с опорой на зафиксированное в словарях значение греческих слов «гносис» и «эпистема»: «гносис» значит познание, узнавание, а «эпистема» — знание, на котором можно стоять, знание приобретенное. Потому гносеология это собственно и есть учение о познании, или «теория познания», а эпистемология есть изучение существующих знаний, рассматриваемых как некоторые реальности, которые можно наблюдать, описывать и анализировать. Как пишет «бессмертный» (говоря словами Барбары Кассен) Андре Лаланд в «Техническом и критическом словаре философии» [Lalande 1988, 387], эпистемология есть апостериорное изучение понятий, методов, принципов, гипотез науки, а тем самым их реального исторического развития. В привычных немецких версиях гносеология или теория познания — это Erkenntnistheorie, а эпистемология — Wissenschaftslehre. В любом случае эпистемология отличается от теории познания тем, что она изучает познание в деталях, в разнообразии наук и объектов, а не в единстве процедур человеческого духа. Уточню, когда в связи с термином «гносеология» говорят о Баумгартене и его понятии *gnoseologia inferior*, то доминантой этого понятия выступает не «приниженная» в каком бы то ни было

смысле гносеология, но определение статуса чувственного познания, предполагающее более широкую трактовку его участия в эстетических процессах. В то время и позже это сыграло свою роль в обосновании философского статуса эстетики.

Но что дает нам история? Применительно к современному словоупотреблению не так уж много. В «Словаре непереводимостей» под редакцией Б. Кассен говорится, что современные способы употребления понятий выходят за рамки любых дифференциаций. Скажем, в начале XX в. четко разводились «теория познания» (Erkenntnistheorie или Erkenntnislehre) — для посткантианской традиции, и «эпистемология» — для философских традиций, следующих Расселу и Дж. Муру. Через несколько десятилетий эта исходная определенность начисто выветрилась, так что терминами «теория познания» или «эпистемология» обозначаются концепции, не имеющие ничего общего с их начальными прототипами.

Для меня важно то противопоставление, о котором напоминают нам античники, а также французские традиции понимания эпистемологии как дисциплины, в которой большое место занимает анализ истории наук и их понятийного состава, как это предполагалось в той или иной мере у Г. Башляра, Ж. Кангилема и М. Фуко. Во многих случаях, впрочем, я употребляю «теорию познания» и «эпистемологию» как синонимичные понятия, хотя не могу не признать, что в практическом употреблении термин, состоящий из одного слова (эпистемология), удобнее двусоставного (теория познания), но это в конце концов не так важно. На мой взгляд, в пользу широкого современного использования термина «эпистемология» говорит тот факт, что все курсы Деррида в «Высшей школе социальных исследований» в течение двадцати лет проходили в рамках курса «Философия и эпистемология», а не, условно говоря, деконструкция или какой-нибудь «дифферанс» (с «а»). Какую бы тему из этико-политической сферы в широком смысле слова он ни брал, будь то дружба, гостеприимство, свидетельство, космополитическое право на философию, все это, как я думаю и пытаюсь показать в своих работах, имеет очень важный эпистемологический аспект, хотя термином «эпистемология» Деррида никогда не пользовался как опорным. Полагаю, что анализ подобных концепций вместе с их «философским языком» — значимый аспект проблематики нашего сектора, который резко отличает его от позиции огульного отрицания всего того, что относится к невнятной рубрике философского «постмодернизма».

Порус: Маленькую реплику относительно употребления терминов. Вопрос сложный, спорный. Я бы сказал так, что каждый важный термин в свое время обрастает значениями, смыслами, с которыми он и употребляется. Затем время проходит, смыслы меняются, термин остается. И возникают множество споров, которые, на мой взгляд, не так уж принципиальны. Ну, напомним, Джон Дьюи в свое время презрительно называл эпистемологиями различные теории познания, не учитывающие влияния контекста на процесс познания. Вот эпистема — для него это было нечто такое, что не существует само по себе, вообще нечем заниматься, просто существует контекст, в котором эта эпистема и рождается. Как назвать прагматическую теорию познания Дьюи? Он называл ее контекстуализмом, прибавлял к этому инструментализм и т.д. Но общего «-изма» нет. Точно так же и гносеология. Нельзя сказать, что гносеология изучает только примитивные чувственные отношения воображаемого субъекта к действительности. Есть там и этические аспекты, не говорю уже о социальных. Так что вопрос о переводе этих терминов, конечно, труден но мы всегда можем договориться. Здесь катастрофического я не вижу. А вот насчет оптимизма и пессимизма, тут я уже не могу промолчать. Уважаемые коллеги, нет ничего хуже необоснованного оптимизма. Необоснованный оптимизм — это есть источник всевозможных несчастий и катастроф, тогда как пессимизм есть некоторый сигнал тревоги. А сигнал тревоги иногда помогает выжить. Вот моя тревога заключается в следующем: несмотря на то, что во многих наших вузах интерес к эпистемологии или гносеологии у некоторых людей все-таки жив, общая тенденция совершенно иная. Если взять численное соотношение (я уже его приводил), к нам приходят лучшие. Из них

почти никто не занимается ни эпистемологией, ни гносеологией. А если занимаются, то лучше бы они этого не делали. Вот какая проблема стоит. И наш оптимизм основан на чем? На нашей жизненной позиции, которую мы держали в течение этой жизни и на нашей уверенности в том, что завтра будет лучше, чем вчера. Только на этом. А факты говорят против этого оптимизма. Поэтому то, что я здесь говорил, можно воспринимать как некоторый сигнал тревоги, но не как кредо, на котором я стою, за которое буду держаться. Нет, я, конечно, оптимист в гораздо большей степени, чем необоснованный оптимист.

Лекторский: По поводу того, что сказал Дмитрий Валерьевич. Гносеология, эпистемология, теория познания. Я склонен согласиться с Владимиром Натановичем в том, что дело не в словах, а в том, какой смысл в них вкладывается, на какую проблематику в исследовании познания этот смысл ориентирует. Не думаю, что каждое из этих слов имеет какую-то четко очерченную сферу применимости. У нас в течение длительного времени широко использовалось слово «гносеология». Наверное, повлияло и то, что Ленин употреблял этот термин в «Материализме и эмпириокритицизме». Сейчас мы (вслед за большинством философов мира) предпочитаем термины «эпистемология» и «теория познания». Дмитрий Валерьевич предлагает не отказываться также и от термина «гносеология», вложив него смысл исследования когнитивных процессов на дословесном уровне и на основе осмысления эмпирического процесса познания. А «эпистемологию» он предлагает понять как нормативное (в отличие от эмпирического) исследование знания.

Я думаю, что это предложение очень спорно. И вот почему. Во всём мире эпистемологией называют исследование знания во всех его разновидностях, в том числе и когда оно не выражено словесно. Именно этим занимается эволюционная эпистемология. В XIX в. (под влиянием Канта) стали противопоставлять исследование познавательных норм изучению эмпирического материала процесса познания. С этим связана известная дискуссия психологизма и антипсихологизма в эпистемологии. Но сегодня ясно, что это противопоставление не работает. Познавательный процесс предполагает использование эпистемических норм, а сами нормы работают лишь в той мере, в какой они оправдываются успехами эмпирической познавательной деятельности (поэтому нормы могут меняться). Как следствие, современная эпистемология, если она желает быть успешной и ориентировать в понимании реального познания, должна считаться с данными когнитивных наук. Это направление в развитии эпистемологии, на мой взгляд, и есть сегодня наиболее плодотворное. А сами когнитивные науки нуждаются в философском осмыслении. Поэтому они не снимают эпистемологическую тематику, а напротив, придают ей новую актуальность и выявляют новые её аспекты. Нормативное и дескриптивное в изучении познания оказываются взаимосвязанными. Так что лучше спорить не о словах, а о проблемах и уж во всяком случае видеть за словами вопросы.

Пирожкова: Чтобы не затягивать нашу встречу, я постараюсь не предаваться воспоминаниям. Для меня сектор – это больше, чем работа. Ну или, что возможно вернее, это именно та работа, то место, где ученый имеет возможность реализоваться наиболее полно, не просто заниматься «нормальной» наукой, но расширять горизонты, ставить новые проблемы и, главное, удерживать целостное видение проблематики.

Сектор – это сообщество очень разных в профессиональном плане людей, со своими интересами, темами, подходами, и все-таки я бы сказала, что это сообщество единомышленников. В основе единства лежит несколько принципов научной работы. Первый, соглашусь со многими уже выступившими, заключается в понимании теоретико-познавательной проблематики как фундаментальной. Это понимание выливается не в спекуляции, но в экспликацию данной проблематики в темах и проблемах сегодняшнего дня. Уже говорилось, что сектор чрезвычайно остро откликается на процессы, происходящие сейчас в философии, социальной жизни, современной культуре. Можно аналитически разделить два направления работы: с одной стороны, проблематика чисто теоретическая, с другой, то, что сегодня называется «большими вызовами», тема социокультурных трансформаций. Подчеркну, что это именно аналитическая дихотомия, поскольку обозначенные

две линии тесно взаимосвязаны: мы отвечаем на большие вызовы, опираясь на ту теоретическую работу, которая велась и ведется, но и проработка теоретических вопросов обогащается конкретной тематикой. Такая работа очень важна: задача теоретической философии сообразна задачам любого теоретического исследования — выявление того, что можно назвать сущностным планом, скрывающимся за разнообразными явлениями, в случае философии — предельных оснований, в том числе человеческой деятельности. Сегодня, в условиях, с одной стороны, постоянного информационного шума, а с другой, небывалой динамичности социальной и культурной жизни выявление этого сущностного, наиболее фундаментального плана — задача первоочередная. Оговорюсь, я разделяю взгляд Владислава Александровича на философию не как на чисто дескриптивное исследование, но как на проектную деятельность. Речь идет не только о конструктивном характере любого теоретического знания, но о том, что философия формирует программы деятельности, в которых сейчас тоже ощущается острая потребность. Задача философии не ограничивается выявлением предельных оснований и разработкой целостного мировоззрения, философия — это рефлексия, а значит, и критика, и предложение альтернатив. Вместе с тем мне представляется, что одним из самых серьезных проблем, встающих перед философией, оказываются проекты построения «прикладной философии». Ничего не имею против такой философии, моя собственная работа в последние годы развивается и в этом направлении тоже. Я стараюсь не просто продолжать работать над фундаментальной эпистемологической проблематикой, но связывать с ней работы аналитического, конкретно предметного плана. Думаю, такая установка формировалась у меня под влиянием родителей (тоже философов), Владислава Александровича и сектора.

С первым принципом связан и другой — высокопрофессиональной работы с концептуальным аппаратом. Поэтому мне представляется значимым то, о чем говорил Дмитрий Валерьевич. Конечно, важнее, на мой взгляд, наше современное понимание теории познания, чем история формирования терминов. Тем не менее эта история прибавляет что-то важное к пониманию нынешнего значения, а главное, дает историческую глубину. Эта глубина подразумевает обращенность не только в прошлое, но и в будущее, и необходима для реализации проективной функции философии. Ведь проект — это не фантазия и не разрыв с настоящим и прошлым. Новое в любом проекте предполагает переработку того, что есть, с учетом того, откуда существующее появилось. Социальные и культурные проекты вообще немислимы без исторического сознания. Даже когда эти проекты предлагают радикальный отказ от традиций, они должны от них отталкиваться, а значит, должны их знать и осознавать. Это верно и в отношении проекта развития собственной дисциплины.

Еще один важнейший принцип работы сектора заключается в том, что он никогда не следует какой-то философской моде. Это не значит, что нам чуждо состояние увлечения, «влюбленности» в какую-то проблематику. Но в секторе ничего не проповедуется, все обсуждается — как определенная научная, методологическая позиция, как программа. Критичность, а потому и заинтересованность в том, что может сказать тебе коллега, и его ответная заинтересованность в твоём мнении о его работе — это одна из главных традиций сектора, и сложилась она, как я понимаю, еще в секторе диалектического материализма. Как и еще одна — толерантность к подходам и позициям, которые не разделяешь или которым даже оппонировать. Благодаря этому критичность не переходит границ не только рациональной, но и доброжелательной дискуссии. Критерий приемлемости — профессиональный уровень, а не концептуальная близость.

Размышляя о перспективах философии в России, мы должны понимать, какое наследство получили от советского времени. Мне кажется, нам повезло, что у нас был сектор диалектического материализма, где талантливые люди вели серьезные исследования. Они оставили нам не только богатое концептуальное наследство, но и те самые принципы, которые я постаралась охарактеризовать, и еще широту проблематики: теоретико-познавательные вопросы в культурно-историческом контексте и контексте междисциплинарных исследований.

В мировом масштабе теоретическая философия и особенно эпистемология сегодня востребованы. Классическая эпистемологическая проблематика никуда не ушла. Приведу в качестве примера такое направление, как *epistemic democracy*: зарубежные коллеги пришли к выводу, что нормальный политический процесс невозможен без проработки вопросов не только о достоверности, но и об истине, обратившись тем самым к проблематике, которая в современной отечественной философии зачастую маркируется как ретроградство.

Загидуллин: В сектор меня как своего аспиранта привел Михаил Александрович Розов в 2008 г. Все эти годы сектор определяет повестку философско-эпистемологических исследований в нашей стране, удерживая сложность и полифоничность взглядов на познание, научное знание, на человеческую субъективность и формы ее изучения. Сектор увязывает разработку эпистемологии и логики, философии науки и истории науки, анализирует влияние аксиологических регулятивов на познание, соотносит отечественные результаты и мировые достижения, выделяя оригинальный вклад российской философии. Благодаря этому молодые философы могут осмысленно выбирать точку приложения сил, что не так уж легко сделать в нынешнем чересчур свободном философском пространстве. Сегодня у большинства молодых людей, приходящих в философию, основной вопрос – в какой традиции перспективнее работать. В этом смысле мне повезло – для меня сразу исходным ориентиром в философии стала теория социальных эстафет М.А. Розова, знакомство с которым и стало толчком к систематическим размышлениям в эпистемологии, что выразилось в диссертации. Позже эти размышления были оформлены на базе теории Розова в проект создания эмпирической эпистемологии, который мы реализуем совместно с Н.И. Кузнецовой и другими нашими коллегами. Кстати, наша программная статья 2014 г. с изложением этого проекта обсуждалась в секторе, и мы получили много ценных и полезных замечаний. Сектор сохранил традицию серьезного, заинтересованного и в то же время критичного обсуждения идей сотрудников, что бывает большим подспорьем в работе.

Важнейший вопрос, о котором не может не думать отечественный философ сегодня: в чем состоит актуальность философского взгляда, каково место философии, в нашем случае эпистемологии, в системе современного разделения интеллектуального труда? Речь идет о том, как эпистемология может и должна взаимодействовать, кооперироваться с другими философскими, социологическими, историческими дисциплинами, а также как эпистемология могла бы быть задействована в развитии научного познания, расширения сфер практического использования знаний (в том числе в прикладной науке, в промышленности, в развитии новых технологий, в подготовке научных, инженерных и управленческих кадров и т.п.).

Думаю, что ответ на этот вопрос напрямую связан с пониманием того, что такое знание. Я не согласен с позицией, что знание следует определять исключительно как «истинное обоснованное верование». Такое понимание слабо соотносится с реальной практикой исследований. Да, можно взять страницу из учебника или статьи и сказать: «Смотрите, тут мы видим совокупность предложений, с их помощью сформулирована теория, возможно, мы можем оценить то, насколько эта теория достойна нашего доверия и т.п.». Но разве можно считать, что эта страница и есть ключевой результат работы целых коллективов ученых, инженеров-техников, преподавателей-методистов – всех тех, кто принимает участие в процессах производства, верификации, использования и трансляции научных знаний? Нет, так считать было бы большой ошибкой, такое представление просто не адекватно *эпистемическому материалу* научного знания и современным *процессам* познания и обращения знаний. Достаточно сказать, что в корпус научных знаний давно уже входит большое число технических устройств, экспериментальных установок, оперативных систем, языков, цифровых платформ и иных ИТ-средств, сложных знаково-семиотических систем представления объектов изучения и т.п.

Перспективнее рассматривать *знание как единицу трансляции опыта*, что очень близко традиции теории социальных эстафет М.А. Розова. Ключевая характеристика знания –

возможность воспроизвести содержание знания любым его пользователем на всем протяжении цикла жизни (обращения) знаний. Подобный взгляд заставляет нас выделять полноту «жизни знаний» в современном обществе, учитывать большую изменчивость материала знаний в процессах обращения, уделять особое внимание *инфраструктуре поддержки* процессов обращения знаний (в языке теории социальных эстафет речь идет об информационном рынке знаний, музеях науки, библиотеках и архивах, инженерно-технических разработках приборов и исследовательских установок и т.п.).

Сегодня именно с изменениями этих инфраструктур связаны метаморфозы исследовательских практик. Можно привести пример активно идущей сейчас *цифровизации* научных исследований, перевод науки в цифру (оцифровка знаний, учебников, баз знаний, результатов наблюдений и измерений, исторических источников и т.п.). Отдаленные последствия цифровизации состоят в том, что демократизируется научная работа — барьер участия в исследовании резко понижается. Создание различных IT-инструментов и цифровых платформ позволяет малоквалифицированному исследователю (и даже неученому) делать стандартизованную научную работу, что приводит к появлению феномена «Crowd Science», распределенной науки. Число участников отдельного исследования становится большим, исчисляемым десятками тысяч исследователей (уже не редкость публикация статей, в которых более тысячи соавторов). Координация их активности и коммуникации становится самым важным делом. Этих участников уже не объединяют ни научно-исследовательская программа (они могут просто играть в ученых — см. феномен геймификации науки), ни парадигма (исследования разделены на такие элементы, которые не требуют согласия и действия в рамках какой-то определенной теории), ни научный этос (участники в массе своей начинающие ученые).

Иными словами, коммуникация в современной науке меняет свою функцию: от поддержки процессов оборота знаний и их вторичной верификации коммуникация переходит к порождению знания и координации деятельности больших коллективов исследователей (нередко с низкой квалификацией). На передний план выходит проблема программирования исследований, формирования тематической повестки и исследовательских программ. Важнее становится знать, что исследовать и зачем, а вопросы их организации решаются типовым способом или за счет размещения исследовательских задач на специализированных цифровых платформах.

Или другой вопрос, который в советское время трактовался как науковедческий, а сегодня находится в эпицентре общественных дискуссий и поисков современных форм организации науки: какова минимально устойчивая и продуктивная единица организации науки? Дисциплина, научная школа, лаборатория? Сегодня управленцы на уровне практических проб нащупали ответ: такая единица — лаборатория. Это 15–20 человек, и неважно, какие у них парадигмы, важно, что они работают стабильно, у них есть взаимопонимание и они готовы последовательно реализовывать единую программу много лет. Соответственно, такие объединения можно включать в систему коллективных центров пользования исследовательского оборудования. Их можно включать в систему трансляции практических и технологических запросов к науке. Они занимаются фундаментальной наукой, но вполне способны создавать образцы практического использования знаний.

Эти наблюдения говорят о том, что сегодня философ-эпистемолог может быть востребован в управлении и организации научных исследований, в поиске перспективных форм новой науки, в оценке рисков подобного переустройства познания. При этом сами ученые просят философов помочь им в формировании тематической повестки исследований, которая бы учитывала междисциплинарный и трансдисциплинарный характер научного знания, а также позволила бы им быть участниками большой мировой науки при ясном понимании своего возможного вклада. По крайней мере, такова ситуация в отраслевой, прикладной науке. С этой точки зрения у меня оптимистичный взгляд на будущее отечественной эпистемологии. Запрос есть. И мне кажется, у нас есть основания ответить на этот запрос. В этом я поддерживаю

выступление Наталии Ивановны Кузнецовой, которая сказала, что залог успеха в пересмотре и обновлении наших понятий и исследовательских программ.

Катунин: Научные, организационные процессы, безусловно, важны, но личное отношение и к рабочим процессам, и к коллективу играет очень большую роль. Поделюсь некоторыми впечатлениями. Знакомство с сектором началось на втором курсе философского факультета ГАУГН, когда В.А. Лекторский, Г.Д. Левин, Д.И. Дубровский начали читать нам, ещё юным второкурсникам лекции по теории познания. Выбор научного руководителя у многих моих однокурсников вызывал трудности, в моём же случае всё решилось очень быстро и лучшим из возможных способов: с третьего курса я начал писать работы под руководством Владислава Александровича и потихонечку стал втягиваться в работу сектора (тем более, что многих я уже знал) — приходил обсуждать рефераты и курсовые, чем-то помогал. Тогда я и понял, что это именно то место, те люди, тот контекст, к которому можно, а самое главное, нужно стремиться.

Владимир Натанович сказал, что сектор наш в советское время был элитным, но при этом не может утверждать, каков он сейчас. Может быть, я ещё молод для таких суждений и опыт мой не так велик, но, на мой взгляд, сектор теории познания и сегодня остаётся элитным. В голове неустанно вертится словосочетание «передовики интеллектуального производства». Такую формулировку характер нашей беседы предопределил. Потому что с позиций и научных, и административных, и организационных, сектору удается держать очень высокую планку, и опять же на наш сектор во многих смыслах можно равняться.

Сегодня, я полагаю, очень важно ответить на вопрос: «Не растворяется ли эпистемология в современной когнитивной науке?» И при определенной простоте представлений сомнения могут возникать. Над этим действительно интересно поразмышлять. Когнитивная наука давно и очень активно завладевает умами и сердцами исследователей. И если представлять когнитивную науку как совокупность наук о познании, то предметно теория познания и когнитивная наука совпадают. Как верно отметил Б.М. Величковский, история науки изобилует примерами не только деления наук, но и объединения. Объединение возможностей, инструментов, методов отдельных наук способствует продвижению в решении серьёзных и фундаментальных задач. Будущее теории познания, на мой взгляд, лежит в одном русле с когнитивной наукой (по крайней мере в обозримом будущем). Когнитивная наука, привлекая другие дисциплины (психологию, нейронауку и пр.), вместе с ними использует новые методы и инструменты для решения старых проблем, например, электроэнцефалограмма, МРТ и др. Но при всех стратегиях интердисциплинарности когнитивной науки, фундаментальность теории познания не меняется. Такие базовые вопросы, как природа знания, границы познания, условия достоверности остаются в неизменном виде. Важно определить место теории познания в рамках когнитивных исследований. Как у меня сложилось впечатление, очень активную роль в когнитивной науке взяли на себя психологи. Возможно, в какой-то степени справедливо говорить о перехвате пальмы первенства. Возвращаясь к роли теории познания в рамках когнитивной науки, я думаю, имеет смысл это первенство перехватить и вернуть его философии. Как верно уже отмечалось, эпистемологическая проблематика всегда будет актуальна в любой отрасли научного знания, ибо любая наука в своем развитии и в своем желании совершенствоваться, развивается в «поле незнания». И осмысление этого «поля незнания», даже в какой-то степени его формирование — это задачи теории познания. Всегда будет интересно, где те самые границы познаваемости, где те самые пределы, которых человек может достичь в своем познании. Поэтому эпистемология должна оставаться независимой и указывать науке путь, возможности и границы.

Лекторский: Дорогие друзья! Спасибо всем за участие в обсуждении. Мы вспомнили о прошлом, поговорили о настоящем, попытались предугадать будущее. Это было очень полезно. И это был разговор не только об эпистемологии, а, на мой взгляд, о философии в целом. А теперь будем продолжать нашу работу, которая, как мы ещё раз выяснили, имеет большой смысл.

Ссылки – References in Russian

- Автономова 2015 – Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2015.
- Галисон 2004 – *Галисон П.* Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2004. № 1. С. 64–91.
- Касавин 1987 – *Касавин И.Т.* Теория познания в плену анархии. М.: Политиздат, 1987.
- Касавин (ред.) 1990 – Заблуждающийся разум. Многообразие внеучного знания / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Политиздат, 1990.
- Касавин 2016 – *Касавин И.Т.* Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь мир, 2016.
- Касавин (ред.) 2016 – Социальная философия науки. Российская перспектива / Под ред. И.Т. Касавина. М.: Кнорус, 2016.
- Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М.: Канон+, 2009. С. 33–34.
- Лекторский 2012 – *Лекторский В.А.* Новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2012. С. 6–8.
- Лекторский 2018 – *Лекторский В.А.* Сектор теории познания: история и современность // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 5–12
- Пружинин 2018 – *Пружинин Б.И.* Сектор теории познания как тип философского общения, или О роли знания в культуре // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 13–19
- Розов 1995 – *Розов М.А.* Классификация и теория как системы знания // На пути к теории классификации. Новосибирск, 1995.
- Сокулер 2017 – *Сокулер З.А.* Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 79–90.
- Труфанова 2012 – *Труфанова Е.О.* Социальный конструкционизм: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Канон+, 2012. С. 128–142.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 10. P. 31–66

Contemporary Tendencies of Epistemology's Development (round table discussion)

In January 2018 beneath the organizational support of the Institute's of Philosophy of RAS Department of the Theory of Knowledge took place the round-table "Contemporary Tendencies of the Epistemology's Development" (arranged to the fortieth anniversary of the Department of Theory of Knowledge of the Institute of Philosophy of RAS.) The participants of the round table evaluated the importance of the Department of Theory of Knowledge of RAS for its forty years long role in the development of epistemological research in Russia and in the world, discussed status of epistemological problems in modern philosophy (including the detection of the meaning of the distinction between classical and non-classical epistemology), determined the importance of epistemology for modern cognitive science, STS researches, and humanities (psychology, history, philology). In the focus of the participants attention were terminological problems of epistemology as a historical phenomenon, and also trends of this fields of philosophy further movement. During the discussion were actualized the programs of epistemology's development, proposed in particular by the employees of the Department of the Theory of Knowledge of the IP RAS: the constructive-realistic epistemology (V.A. Lektorsky), social epistemology (I.T. Kasavin), the theory of social relays (M.A. Rozov), cultural-historical epistemology (B.I. Pruzhinin), translation as an epistemological phenomenon (N.S. Avtonomova).

KEY WORDS: the Department of Theory of Knowledge, epistemology, theory of knowledge, philosophical community, the problem of consciousness, constructive realism, the theory of social relays, translation.

Participants:

LEKTORSKY Vladislav A. – Full Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, professor, Main Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

v.a.lektorski@gmail.com

AVTONOMOVA Natalia S. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

avtonomovanatalia@gmail.com

CHERTKOVA Elena L. – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

eleon2005@yandex.ru

DUBROVSKY David I. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

ddi29@mail.ru

FILATOV Vladimir P. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow.

toptiptop@list.ru

IVANOV Dmitry V. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

ivdmitry@mail.ru

KASAVIN Ilya T. – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Main Research Fellow, Head of Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

itkasavin@gmail.com

KATUNIN Alexander V. – Junior Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

alexandr.katunin@gmail.com

KUZNETSOVA Natalia I. – DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow.

cap-cap@inbox.ru

LEVIN Georgy D. – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

g.d.levin@mail.ru

PIROZHKOVA Sophia V. – CSc in Philosophy, Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

pirozhkovasv@gmail.com

PORUS Vladimir N. – DSc in Philosophy, Professor of National Research University “High School of Economy” Moscow.

vporus@rambler.ru

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Editor-in-chief of Journal “Voprosy Filosofii”, Professor of the School of Philosophy of the National Research University – Higher School of Economics, Honorary Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

prubor@mail.ru

SMIRNOVA Natalia M. – DSc in Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophical Problems of Creativity of the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow.

nsmirnova17@gmail.com

TRUFANOVA Elena O. – CSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Head of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

eltrufanova@gmail.com

ZAGIDULLIN Zhan K. – CSc in Philosophy, Associated Research Fellow of Department of the Theory of Knowledge, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow.

autist2000@mail.ru

Received at May, 20 2018.

Citation: Lektorsky, Vladislav A., Avtonomova, Natalia S., Chertkova, Elena L., Dubrovsky, David I., Filatov Vladimir P., Ivanov, Dmitry V., Kasavin, Ilya T., Katunin, Alexander V., Kuznetsova Natalia I., Levin, Georgy D., Pirozhkova, Sophia V., Porus, Vladimir N., Pruzhinin, Boris I., Smirnova Natalia M., Trufanova, Elena O., Zagidullin, Zhan K. (2018) ‘Contemporary Tendencies of Epistemology’s Development (*round table discussion*)’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 31 –66.

DOI: 10.31857/S004287440001151-1

References

- Avtonomova, Natalia S. (2015) *Natalia Avtonomova’s Toposes of Philosophy. For the anniversary*, eds. Boris Pruzhinin, Tatiana Shchedrina, ROSSPEN, Moscow (In Russian).
- Galison, Peter (1999) “The Trading Zone”, *The Science Studies Reader*, Biagioli, Mario ed., Routledge, New York, pp. 137–160 (Russian translation 2004).
- Kasavin, Ilya T. (1987) *Theory of Knowledge in Captivity of Anarchy*, Politizdat, Moscow (In Russian).
- Kasavin, Ilya T., ed. (1990) *Deluded Mind. Diversity of Non-scientific Knowledge*, Politizdat, Moscow (In Russian).

- Kasavin, Ilya T. (2016) *Social Philosophy of Science and Collective Epistemology*, Ves' mir, Moscow (In Russian).
- Kasavin, Ilya T. ed., (2016) *Social Philosophy of Science. Russian Perspective*, Knorus, Moscow (In Russian).
- Lalande, André (1988) *Vocabulaire technique et critique de la philosophie*, P.U.F., Paris.
- Lektorsky, Vladislav A. (2009) 'Realism, Antirealism, Constructivism and Constructive Realism in Modern Epistemology and Science', *Constructivistic Approach in Epistemology and Human Sciences*, Kanon+, Moscow (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. (2012) 'New Life of Old Problems', *Epistemology: Prospects of Development*, Kanon+, Moscow (In Russian).
- Lektorsky, Vladislav A. (2018) 'The Department of Theory of Knowledge: History and Modernity', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 5–12(In Russian).
- Pruzhinin, Boris I. (2018) 'Department of Theory of Knowledge as a Type of Philosophical Interaction, or on the Role of Knowledge in Culture', *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 13–19 (In Russian).
- Rozov, Mikhail A. (1995) 'Classification and Theory as a System of Knowledge', *On the Way to the Theory of Classification*, Nauka, Novosibirsk (In Russian).
- Sokuler, Zinaida A. (2017) 'Philosophical Theory of Cognition: the Future in Question?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2017), pp. 79–90 (In Russian).
- Trufanova, Elena O. (2012) 'Social Constructionism: Origins, Problematic, Modern potential', *Epistemology: Prospects of Development*, Kanon+, Moscow (In Russian).